

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет гуманитарных и социальных наук

Кафедра философии науки и социологии

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Направление подготовки (специальность) 39.03.01 Социология

**Теория ритуала интеракции Р. Коллинза и её концептуальные
возможности в исследовании малых групп**

ОГУ 39.03.01.1316.085 ОО

Заведующий кафедрой

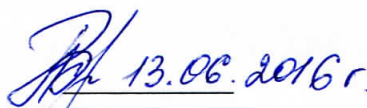
д-р философских наук, доцент

подпись дата

М.Х. Хаджаров

Руководитель

канд. исторических наук,
старший преподаватель

подпись дата

З.Ю. Пересёлкова

Студент

подпись дата

В.В. Иншаков

Оренбург 2016

Утверждаю:

заведующий кафедрой _____

Философия науки и социологии
(наименование кафедры)

Михайлов М. А. Кадматов
подпись инициалы, фамилия

« 03 » октябре 2015г.

ЗАДАНИЕ

на выполнение выпускной квалификационной работы

студенту Ишмакову Владимиру Владимировичу
(фамилия, имя, отчество)

по направлению подготовки (специальности) _____

1 Тема ВКР Теория ритуала и взаимодействия Р. Коллинза и её концептуальные возможности в исследовании малых групп.
код, наименование

2 Срок сдачи студентом ВКР « 13 » июня 2016 г.

3 Цель и задачи ВКР исследовать концептуальную взаимосвязь теории ритуалов и взаимодействия Р. Коллинза в кругах малых групп.

4 Исходные данные к ВКР тема исследования, план работы

5 Перечень вопросов, подлежащих разработке 1) изучить теоретические предпосылки теории ритуалов и взаимодействия; 2) анализ этнографического базиса теории; 3) выявление концептуальных возможностей в теории ритуалов и взаимодействия Р. Коллинза

6 Перечень графического (иллюстративного) материала _____

Дата выдачи и получения задания

Руководитель ВКР « 03 » октября 2015 г. З.Ю. Терещенкова
подпись инициалы, фамилия

Студент « 03 » октября 2015г. И.И. Ишмаков
подпись инициалы, фамилия

Аннотация

Выпускная квалификационная работа посвящена вопросу возможности использования теории ритуалов интеракций Рэндалла Коллинза в социологических исследованиях малых групп.

В работе исследуется теория ритуалов интеракций с точки зрения её внутренней (теоретической) и внешней (эмпирической) непротиворечивости. Анализируются теоретические предпосылки создания, основные принципы, нынешнее состояние теории ритуалов интеракций и производная от неё теория – теория насилия Р. Коллинза. В работе также рассматриваются эмпирические исследования, подтверждающие достоверность и применимость в социологических исследованиях теории ритуалов интеракций Р. Коллинза.

В работе проводится линейный эксперимент с целью изучения феномена сплетен как нерешенной социологической проблемы. Эксперимент проектировался в соответствии с постулатами теории ритуалов интеракций, поэтому его результаты позволяют оценить эмпирическую непротиворечивость теории. Демонстрируется возможность использования метода спектрального анализа аудиозаписей, разработанного Стэнфордом Грегори для измерения уровня речевой синхронии, для интерпретации качества взаимодействия. Полученные результаты полностью согласуются с теорией ритуалов интеракций. Таким образом, автор приходит к заключению об эмпирической непротиворечивости теории ритуалов интеракций.

Поскольку теория ритуалов интеракций редко используется или упоминается российскими социологами, значимость данной работы заключается в развитии актуальных теоретических ресурсов российской социологии. Методическая значимость работы заключается в демонстрации возможности сочетания классического метода спектрального анализа аудиозаписей в сочетании с теорией ритуалов интеракций.

Работа содержит 85 листов текста, 7 изображений, 1 таблицу, 3 приложения.

Summary

Final qualifying work is devoted to the possibility of using the Randall Collins' interaction ritual theory in sociological studies of small groups.

In this paper the interaction ritual theory is investigated in terms of its internal (theoretical) and external (empirical) consistency. The theoretical background of creation, the basic principles, the current state of the interaction ritual theory and the theory derived from it – the theory of violence by R. Collins are analyzed. The paper also examines empirical studies confirming the validity and applicability of the Randall Collins' interaction ritual theory in sociological research.

The work is carried out line experiment to study the phenomenon of gossip as an unsolved sociological problem. The experiment was designed in accordance with the postulates of the interaction ritual theory, so its results allow evaluating the empirical consistency of the theory. It demonstrates the ability to use the method of spectral analysis of audio, developed by Stanford Gregory for measuring the speech level of synchrony, to interpret the quality of interaction. The results are fully consistent with the interaction ritual theory. Thus, the author comes to the conclusion about the empirical consistency of the interaction ritual theory.

Since the interaction ritual theory rarely used or mentioned by russian sociologists, the significance of this work lies in the development of current theoretical resources of russian sociology. Methodical significance of this work is in demonstrating the possibility of a combination of the classical method of spectral analysis of audio in conjunction with the interaction ritual theory.

The work contains 85 pages of text, 7 graphics, 1 table, 3 appendices.

Содержание

Введение.....	3
1 Теория ритуалов интеракций Рэндалла Коллинза: предпосылки её создания, основные положения, развитие.....	10
1.1 Эволюция теории ритуалов интеракций: Э. Дюркгейм, И. Гофман, Дж.Г. Мид, Р. Коллинз.....	10
1.2 Эмпирический базис теории ритуалов интеракций Р. Коллинза.....	34
2 Оценка непротиворечивости теории ритуалов интеракций Р. Коллинза через эмпирическое исследование сплетни как механизма производства солидарности в малых группах.....	53
2.1 Проблема сплетни: основные подходы и их ограничения.....	53
2.2 Концептуальные возможности теории ритуалов интеракций Р. Коллинза в исследовании малых групп: на примере сплетен с использованием спектрального анализа аудиозаписей.....	60
Заключение.....	71
Список использованных источников.....	73
Приложение А. Гайд интервью.....	80
Приложение Б. Таблица информантов.....	82
Приложение В. Пример выделяемых фрагментов аудиозаписи (транскрипт).....	83

Введение

Актуальность темы исследования. Метафора ритуала является продуктивным эпистемическим ресурсом для анализа социальных отношений. Это показывает актуальная дискуссия о возможностях интерпретации социологии как «могущественного ритуала» [24, С. 27]. Этот ритуал, по мнению инициатора дискуссии, социолога Михаила Соколова, должен компенсировать «автофабрикационные» страхи социологов по поводу ненаучности их дисциплины. Автор утверждает, что коллективное производство заблуждения для себя самого социологическим сообществом («sense-building», если следовать терминологии автора) осуществляется посредством использования статистики для подражания естественным наукам или бесконечного «переоткрытия» классиков, позволяющего социологам получить экстатический опыт открытия и чувство принадлежности к серьезной интеллектуальной традиции. В критической ответной статье В. Вахштайн выдвигает и обосновывает противоположные тезисы, лишённые ритуальной метафоры: по его мнению, во-первых, следует различать «клубную» (для которой характерно замкнутое профессиональное сообщество, обеспечивающее поддержку представлениям об осмысленности коллективной деятельности) и «салонную» (ориентированную на взаимодействие с несоциологами, популяризацию, выполнение государственных и бизнес-задач) организацию социологической деятельности; во-вторых, социолог не нуждается в ритуальном производстве чувства правильности того, чем он занимается, поскольку смысл действия предшествует самому действию [3, С. 72-78]. О. Хархордин в качестве критики статьи М. Соколова упоминает об «аскетическом» преобразовании мира через его рациональное познание как ещё одной форме бытования социологии, делающей эту форму (научной) активности осмысленной для самих социологов [27, С. 63].

За достаточно радикальными формулировками участников дискуссии стоит попытка ответить на достаточно важные для понимания социологии вопросы: как дисциплина существует и продолжает развиваться при крайне

низком прогностическом потенциале имеющихся теорий, почему она не стала «индустрией изучения общественного мнения» [24, С. 27] или исследовательской журналистикой [23, С. 81-83].

Упоминание этой дискуссии имеет целью частичную легитимацию данной работы. Научность социологии здесь не ставится под сомнение и сама категория ритуала используется в ином значении. Эта дискуссия демонстрирует продуктивность использования метафоры ритуала (развиваемой до уровня категории в той или иной теоретической системе) для социологического мышления (не исключая, впрочем, некоторой осмотрительности).

Однако участники дискуссии совершенно не упоминают теорию ритуалов интеракций Рэндалла Коллинза, которая предлагает объяснение и динамики интеллектуальных сообществ, и ясные ответы на некоторые фундаментальные вопросы социологии: каковы факторы солидарности, что движет индивидом при совершении социального действия, какую роль играет мышление индивида в социальном действии и др. Малоизвестность теории ритуалов интеракций в российском социологическом сообществе обуславливает актуальность темы данного исследования.

Темой данного исследования является изучение концептуальных возможностей теории ритуалов интеракций Р. Коллинза в исследовании малых групп. Под концептуальными возможностями социологической теории мы понимаем её способность адекватно (сообразно правилам теории и эмпирическим данным) описывать и объяснять социальные явления и процессы. Описание – это производство согласованных с теорией высказываний об объекте, отражающих его сущностные черты. Объяснение – это «преобразование эмпирически полученных данных по правилам избранного теоретического языка» [16, С. 153]. Описание и объяснение соотносятся как исследовательские процедуры, отвечающие на вопросы, соответственно: «Чем является данный объект?» и «Почему данный объект является именно таким?».

Степень научной разработанности. Концепция религиозного ритуала как основного способа производства солидарности в примитивном обществе,

постулат первичности религиозных практик по отношению к верованиям, структура ритуала разработаны Э. Дюркгеймом [39]. И. Гофман показал возможность и плодотворность анализа повседневных нерелигиозных взаимодействий как ритуалов, в которых «сакральным объектом» является индивид [10]. Основываясь на их работах, Р. Коллинз разработал теорию ритуалов интеракций, в систематичном виде которая была представлена в работе «Interaction ritual chains» (2004 г.) [32]. На основе теории ритуалов интеракций Р. Коллинзом была также создана теория насилия, объясняющая условия возможности и основные механизмы несолидарного взаимодействия [33]. Концепция мышления Дж.Г. Мида [19] как интернализованного разговора с «обобщенным другим» стала для Р. Коллинза теоретической основой для введения понятия ритуалов интеракции третьего порядка как рециркуляции в сознании индивида символов, созданных в предыдущих взаимодействиях (ритуалах первого и второго порядка).

Подробное описание теории ритуалов интеракций представлено в диссертации Ю.А. Прозоровой, которая также провела эмпирическое исследование групп взаимопомощи наркозависимых и проанализировала способы организации групповой психотерапии [21]. Ю.А. Прозорова в своих исследованиях показала высокое соответствие организации групповой психотерапии и собраний групп взаимопомощи наркозависимых условиям эффективного ритуала интеракции. Целью работы Ю.А. Прозоровой являлось доказательство эффективности применения теории ритуалов интеракций Р. Коллинза в качестве социальной технологии, то есть системы принципов решения прикладных социальных задач. Также среди российских социологов теория ритуалов интеракций упоминается в работах М.И. Деевой [11] и Ю.А. Хамриной [25; 26]. В этих работах теория ритуалов интеракций не является основным объектом исследования либо рассматривается крайне поверхностно. Анализ работ отечественных исследователей показал, что теория ритуалов интеракций Р. Коллинза пока остается относительно малоизвестной в российском социологическом сообществе.

Часть эмпирического базиса теории ритуалов интеракций составляют исследования синхронии в социальном взаимодействии, являющейся одной из переменных в аналитической схеме ритуала интеракции. Явление телесной (одновременность совершения движений и микродвижений во взаимодействии) и телесно-речевой (соответствие структуры вокализации движениям) синхронии впервые эмпирически обнаружено в исследованиях В. Кондона [35-37]. Явление синхронии было подтверждено в исследованиях А. Кендона [55]. В. Кондон также экспериментально доказал несознательный характер синхронии, эмпирически обнаружив синхронные телесные реакции младенцев от 12 часов от рождения в ответ на звуки, издаваемые взаимодействующими с ними взрослыми – длительность выявленных телесно-речевых паттернов составляла всего 0.04-0.16 секунды [38]. Речевая синхрония была открыта С. Грегори, разработавшим метод анализа степени достигнутой речевой синхронии через амплитудно-частотные характеристики голосов говорящих (спектральный анализ аудиозаписей) [47-51]. А. Пакстон и Р. Дейл разработали метод автоматического анализа видеозаписей взаимодействия индивидов для измерения уровня достигнутой телесной синхронии (метод фрейм-дифференциации); ими же установлена связь между степенью достигнутой телесной синхронии и солидарностью (взаимной симпатией, позитивной оценкой собеседника) [59]. С. Фарли также экспериментально доказала связь речевой синхронии и степени близости собеседников, сравнивая степень достигнутой в разговоре по телефону речевой синхронии между друзьями и «романтическими партнерами» (в разговоре последних синхрония выше) [42].

Также в эмпирический базис теории ритуалов интеракций входят эмпирические исследования реститутивных конференций (М. Росснер) [61], организации взаимодействия сотрудников организаций на рабочем месте (Н. Ротбард) [62], ирландских торгов на аукционах в Лондоне (М. Херреро) [54]. В этих исследованиях эффективность или неэффективность (степень выраженности результирующих переменных ритуала интеракции) различных видов взаимодействия индивидов объясняется через обнаружение

выраженности начальных условий ритуала интеракции. Однако подобные исследования (в том числе упоминавшееся ранее эмпирическое исследование Ю.А. Прозоровой), выполненные в рамках теории ритуалов интеракций, проводятся с помощью методов наблюдения и интервью. В данной работе мы показываем, что исследования в рамках теории ритуалов интеракций могут проводиться также с использованием более формализованного метода – метода спектрального анализа аудиозаписей.

Для обнаружения возможных противоречий теории ритуалов интеракций эмпирическим данным в работе проводится эмпирическое исследование сплетен. Сплетни изучались в рамках информационного подхода, предложенного Р. Пейном [58], затем этот подход был развит Дж. Салсом [64] с использованием теории социального сравнения Л. Фестингера [43]. Общей идеей этого подхода является представление о сплетне как средстве получения непубличной информации о членах малой группы. Функционалистский подход к пониманию сплетен представлен в работах М. Глакмена [46] и Р. Баумейстера [31], которые концептуализируют сплетни как инструмент социального контроля через культурное научение и реактуализацию групповых норм. Оба эти подхода находятся в отношениях «симметричной недостаточности»: информационный подход способен объяснить поведение сплетничающего субъекта, но не способен различать групповые эффекты сплетничания; функционалистский подход, напротив, объясняет групповой эффект сплетничания, но никак не объясняет индивидуальную заинтересованность в такого рода деятельности. Перформанс-центрированный подход Р. Абрахамса [30], постулирующий наличие таких функций сплетничания, как поддержание положительного образа в группе и оказание влияния на других членов группы, опровергнут в эксперименте С. Фарли, в котором доказано, что сплетничающие индивиды воспринимаются как наименее влиятельные и способные располагать к себе [40]. Эксперимент С. Фарли являлся проверкой действия эффекта обратного трансфера установок (формирования в отношении оценивающего

соответствующих оценке установок), открытого Б. Гавронски и Е. Вальтер [45], применительно к процессам сплетничания.

Объектом исследования в данной работе является теория ритуалов интеракций Р. Коллинза.

Предмет исследования – концептуальные возможности теории ритуалов интеракций Р. Коллинза в исследовании малых групп.

Целью исследования является выявление концептуальных возможностей теории ритуалов интеракций Р. Коллинза в исследовании малых групп¹.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

1. изучить основные этапы эволюции теории ритуалов интеракций Р. Коллинза от формирования теоретических предпосылок до современности;
2. охарактеризовать эмпирический базис теории ритуалов интеракций Р. Коллинза;
3. выявить основные социологические подходы к изучению сплетен и их ограничения;
4. провести эмпирическое исследование сплетен с целью оценки концептуальных возможностей теории ритуалов интеракций Р. Коллинза в изучении малых групп.

Теоретико-методологической основой исследования, учитывая его метатеоретический характер², является методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса, позволяющая анализировать теорию как часть исторически развивающегося проекта. Также в работе принято во внимание предложение Ю.А. Прозоровой рассматривать теорию ритуалов интеракций как

¹ Поскольку мы не можем дать количественной характеристики концептуальным возможностям теории, концептуальные возможности оцениваются как достаточные для применения теории в социологических исследованиях, если теория удовлетворяет критерию внутренней (теоретической) и внешней (эмпирической) непротиворечивости.

² Метатеоретическим является такое исследование, объектом которого является теория.

социальную технологию. Для анализа эмпирических данных использовался метод спектрального анализа аудиозаписей С. Грегори.

Апробация работы. Материалы представленной выпускной квалификационной работы докладывались в рамках студенческой научной конференции, а также послужили источниками для научной публикации в журнале «Человек. Сообщество. Управление» из перечня ВАК.

В структуру данной работы входят введение, две главы, заключение, список литературы и приложения. В первой главе анализируются предпосылки, структура теории ритуалов интеракций, её эмпирический базис и оценивается согласованность постулатов теории (внутренняя непротиворечивость). Во второй главе излагаются результаты экспериментального исследования сплетен как предположительно проблематичного феномена малых групп, дается оценка соответствия результатов эмпирического исследования теории ритуалов интеракций, что позволяет сделать вывод об эмпирической непротиворечивости теории. Также во второй главе демонстрируется возможность использования спектрального анализа аудиозаписей интервью в сочетании с теорией ритуалов интеракций.

1 Теория ритуалов интеракций Рэндалла Коллинза: предпосылки её создания, основные положения, развитие

1.1 Эволюция теории ритуалов интеракций: Э. Дюркгейм, И. Гофман, Дж. Г. Мид, Р. Коллинз

Хронологически отправной точкой теоретической перспективы, развиваемой Р. Коллинзом, является 1912 год. Именно тогда была опубликована классическая работа Эмиля Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» [39]. Претерпев существенные изменения в процессе развития в рамках научно-исследовательской программы, которую мы условно назовем «программой теории ритуалов интеракций», теория ритуалов Э. Дюркгейма послужила основанием формирования «жесткого ядра» программы.

В работе «Элементарные формы религиозной жизни» Э. Дюркгейм ставит своей целью познание и объяснение религии, обращаясь к тотемизму австралийских аборигенов. Автор полагает, что современные религии имеют те же конститутивные элементы, являющиеся условием возможности религии. Различия между религиями современных и «низших» обществ заключаются в сложности догматических построений и их легитимаций, но эти различия несущественны в отношении сущности религии как социального явления. Поэтому анализ тотемизма аборигенов Австралии, – являющегося простейшей, по мнению Э. Дюркгейма, религией, – должен позволить выявить основополагающие закономерности, которые могут быть аналитически экстраполированы на любую другую, в том числе современную, религию.

Поставленная Э. Дюркгеймом цель требует для своего достижения разработки соответствующего категориального аппарата и установление постоянных отношений между понятиями (которые, как предполагается, отражают отношения объектов внеязыковой действительности), – то есть требуется построение социологической теории религии. Первый шаг построения теории – концептуализация объекта. Это означает, что необходимо определить релевантные элементы объекта и связи между ними. Иначе говоря,

необходимо выделить сущностные черты религии и дать, по возможности, обоснование своему теоретическому выбору (без обоснования первичная концептуализация имеет аксиоматический характер).

Прежде всего автор опровергает необходимость связи религии с представлениями о сверхъестественном и идеей бога. Для возникновения понятия сверхъестественного необходимо наличие представления о «естественном порядке вещей», которое является продуктом современности, в частности – «позитивных» наук. Идея бога также не является необходимой для существования религии: Э. Дюркгейм приводит в пример буддизм, а также некоторые обряды, оправдание (легитимация) необходимости исполнения которых обходится без апелляции к богу [39, Р. 26-35].

Конститутивными для любой религии являются следующие элементы:

1. верования и обряды;
2. разделение мира на две области (два порядка, модуса, режима существования) – сакральное (священное) и профанное (светское);
3. группа, приверженная этим обрядам и верованиям (называемая Дюркгеймом Церковью) [39, Р. 36-44].

Приведем здесь дефиниции, которые дает Э. Дюркгейм: «Священные вещи – это те, которые защищены и отделены запретами; светские вещи – те, к которым эти запреты применяются и которые должны оставаться на расстоянии от первых. Религиозные верования – это представления, выражающие природу священных вещей и их отношения либо между собой, либо со светскими вещами. Наконец, обряды – это правила поведения, предписывающие, как человек должен вести себя в присутствии священных вещей» [39, Р. 41]. Принимая дефиниции сакрального, профанного и верований, данные Э. Дюркгеймом, как вполне удовлетворительные, сделаем здесь два важных замечания.

Во-первых, понятие обряда не может определяться через понятие правила, так как первое принадлежит к порядку (области, модусу) действия, а второе имеет отношение к регламентации действия, то есть принадлежит к

ценностному порядку. Действительно, сам Э. Дюркгейм пишет: «[обряд] определяет способ действия» [39, Р. 36]. Таким образом, мы полагаем необходимым уточнить определение Э. Дюркгейма: обряд – это *последовательность действий*, совершаемых по определенным правилам в присутствии священных вещей.

Второе важное замечание касается вопроса о разграничении понятий «обряд» и «ритуал». В переводе на английский язык, на который мы опираемся, используется понятие «rite», которое может быть переведено на русский язык и как «обряд», и как «ритуал». Обряд иногда определяется как десакрализованный ритуал, тогда как ритуал определяется как «имеющий преимущественно религиозный характер» [12, Р. 8]. Хотя в русскоязычных переводах «Элементарных форм» традиционным является употребление слова «обряд», мы полагаем возможным употребление слова «ритуал» в том же значении, поскольку сам Э. Дюркгейм не вводит упомянутого выше разграничения (сакральное/десакрализованное). Укорененные в иных традициях исследования ритуалов дефиниции и разграничения нерелевантны целям настоящей работы.

В основании категории сакрального у Э. Дюркгейма лежит определяющий признак этого явления – *нерядоположность сакрального «профанному»*, что обозначается особыми правилами взаимодействия с сакральным. Однако недостаточно обозначить поверхностный признак сакрального (отделенность от профанного), удовлетворительный лишь для предварительного определения. Задача Э. Дюркгейма, служащая цели построения теории религии, состоит в обнаружении сущности религии, прояснении её предельных оснований.

Существенным шагом для прояснения предельных оснований религии является решение вопроса о причинах двойственной референции тотема: с одной стороны, тотем является символом клана, с другой – божества (или, в терминологии автора, «тотемического принципа» – безличной физической и моральной силы, пронизывающей мир) [39, Р. 189-191]. Э. Дюркгейм находит

решение в отождествлении общества и тотемического принципа: «В целом, нет сомнений в том, что общество имеет все необходимое, чтобы пробудить идею божественного в их [индивидов] сознании, просто по факту власти, которую [общество] имеет над ними [индивидами]; для членов [общества] это [общество] то же самое, что и бог для верующих <...> бог, прежде всего, является существом, которое люди мыслят как превосходящее их и от которого они чувствуют зависимость» [39, Р. 208]. Тотем является материальным воплощением, конкретной наглядной формой для представления понятия общества. Хотя индивиды не осознают социальной природы божественного, реифицированного (овеществленного, наделенного субстанциональным значением) в тотеме, общество является подлинным источником религиозной идеи сакрального, «бог – это только образное выражение общества» [39, Р. 207-216]. Таким образом, сакральное конституируется обществом; последнее является предельным основанием первого.

Но на этом этапе построения теории возникает следующий вопрос: посредством какого механизма общество создает сакральное? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к философской антропологии Э. Дюркгейма, что требует снова вернуться к понятию сакрального и прояснить его основания в индивидуальных сознаниях.

Понятие сакрального в том виде, в котором мы обнаруживаем его у Э. Дюркгейма, опирается на оригинальную антропологическую концепцию, центральным элементом которой является двойственность «человеческой природы». Для разработки своей антропологической концепции Э. Дюркгейм анализирует особенности субъективного восприятия человеком двух видов опыта – индивидуального и общественного. В кратком, концентрированном и достаточно общем виде эта концепция представлена в работе «Дуализм человеческой природы и его социальные условия», написанной после «Элементарных форм» и имевшей целью окончательное прояснение философско-антропологических аргументов последней [29, С. 125-126]. Однако

ритуальный аспект социального прояснен наиболее полно и последовательно именно в «Элементарных формах».

Основополагающее различие, позволившее Э. Дюркгейму выявить механизм осознания индивидом своей двойственности, указывает на две циклически сменяющих друг друга фазы существования племен австралийских аборигенов – фазы рассеяния и собрания.

В фазе рассеяния (дисперсии) члены племени занимаются повседневными делами, связанными с обеспечением своего физического существования. Однако иногда все члены племени собираются вместе для празднования религиозных церемоний (или псевдорелигиозных, во время церемонии «корробори», когда к участию допускаются женщины и неиницированные юноши, однако динамика этого события имеет тот же характер, что и в религиозных церемониях) – эту фазу существования Э. Дюркгейм называет концентрацией. Размеренная рутинная фаза жизни в состоянии рассеяния контрастирует с фазой концентрации, в которой каждый индивид испытывает энтузиазм или «теряет контроль над собой <...> Каждая эмоция резонирует без помех в сознаниях [присутствующих индивидов], которые полностью открыты внешним впечатлениям; каждый [индивид] отражает [действия и эмоциональные состояния] других» [39, Р. 215-216]. В фазе концентрации беспорядочные движения и крики постепенно приобретают определенный общий для всех участвующих ритм и тем самым образуют песни и танцы. Осознание синхронности выполняемых ритуальных действий усиливает чувство единства. Именно в этой, последней, фазе индивиды испытывают *effervescence* (возбуждение, волнение, экзальтацию). Чередование фаз рассеяния и концентрации с необходимостью приводит к появлению в сознании индивидов представлений о фундаментальной двойственности бытия: в мире присутствуют как материальные, профанные явления, так и трансцендентные, религиозные [39, Р. 215-231].

Существенным тезисом для последующего развития теории цепочек ритуалов интеракций является утверждение Э. Дюркгейма о способности

коллективных ритуалов в фазе концентрации пробуждать в индивидах экстраординарные эмоциональные состояния (collective effervescence) [39, P. 215-219]. Ритуал является фундаментальным механизмом формирования мировоззренческой дихотомии сакральное/профанное. Именно через ритуал осуществляется трансцендирование – осознание (идея или чувство) индивидом явлений и процессов, нерядоположных повседневному и материальному; ритуал создает приверженность индивида сакральному, а следовательно, обществу. Таким образом, ритуал является источником солидарности.

Животные и растения, облик которых принимает тотем, не обладают какими-то существенными свойствами, позволившими им стать сакральными объектами: «под священными явлениями не следует понимать только те личные существа, которые называют богами или духами; утес, дерево, родник, камень, кусок дерева, дом, словом, любая вещь может быть священной» [39, P. 37]. Все эти объекты – лишь символы, позволяющие осуществлять референцию к ритуальному опыту трансцендирования [39, P. 220-223]. Способность символов «сохранять» ритуальный опыт и осуществлять «ссылку» (референцию) на него, как будет показано далее, также является важным компонентом в теории цепочек ритуалов интеракций. Сакральный объект вызывает в сознании индивидов чувства уважения и священного трепета, поскольку он является символом, за которым закрепляется ритуальный опыт. Чтобы вызывать эти чувства, символ (сакральный объект) должен «обновляться» посредством регулярных ритуальных собраний, без которых его способность осуществлять референцию к опыту, возвышающему индивидов, угасает [39, P. 345-346].

Кроме того, ритуал не только формирует фундаментальное представление о двойственности мира, но и является механизмом формирования основных категорий, конституирующих мышление [22].

Ключевым элементом для последующего развития программы теории ритуалов интеракций является обнаруженный Э. Дюркгеймом механизм религиозного ритуала¹. Этот механизм имеет следующие компоненты:

1. физическое соприсутствие членов культа;
2. сакральный объект (таким объектом может быть любой предмет, наделенный авторитетом со стороны общества);
3. одновременное совершение определенных действий (синхронизация), символически связанных с сакральным объектом; осознание каждым участвующим в ритуале, что все остальные делают то же самое и испытывают те же чувства;
4. общее повышенное настроение, возбуждение (effervescence);
5. границы, определяющие, кому дозволено участвовать в ритуале [39, Р. 215-231].

Таким образом, религия в теории Э. Дюркгейма является интегративным институтом, механизмом производства солидарности в обществе. Центральная роль в религии отводится Э. Дюркгеймом ритуалу, который детерминирует верования и чувства членов общества.

Одной из стратегий развития научного знания является, согласно Р. Коллинзу, «рефрейминг» идей – рекомбинация старых идей для использования их в новом контексте [14, С. 106]. Именно этим – адаптацией идей Э. Дюркгейма к анализу взаимодействий в повседневной жизни – мы обязаны Ирвингу Гофману. Без тех теоретических трансформаций (весьма вольных и несистематичных), которые И. Гофман произвел с классической теорией, невозможно было бы возникновение программы теории ритуалов интеракций.

Ирвинг Гофман осуществляет концептуальный перенос аналитической модели религиозных ритуалов Дюркгейма на повседневность (при этом здесь нам достаточно мыслить повседневность через противопоставление

¹ Говоря о механизме ритуала, мы имеем в виду лишь наиболее общие принципы его осуществления.

экстраординарным событиям [4, С. 6-10]). Ранее мы определили, что для Э. Дюркгейма ритуал (обряд) – это последовательность действий, совершаемых по определенным правилам в присутствии священных вещей. И. Гофман, в свою очередь, определяет ритуал как «действия, символический компонент которых служит актору (субъекту) для демонстрации того, насколько он считает себя и других заслуживающими уважения» [10, С. 34] и «способ, которым индивид вынужден охранять и выстраивать символический подтекст своих действий в непосредственном присутствии объекта, который имеет для него особую ценность» [10, С. 75]. То есть, обобщая, ритуалом И. Гофман называет *последовательность символических действий, совершаемых в присутствии значимого объекта*. Таким образом, сам термин «ритуал» в этой трактовке лишается какого-либо религиозного значения.

В повседневных нерелигиозных взаимодействиях «священным» становится индивид, а точнее, если следовать терминологии И. Гофмана, «лицо». «Лицо – это образ себя, описываемый на языке одобряемых социальных характеристик», – такое определение даёт сам И. Гофман [10, С. 18]. Идеализированный образ индивида в современном обществе заменяет тотемы и божества. От каждого индивида при взаимодействии с другим индивидом требуется соблюдение правил, аналогичных правилам поведения в присутствии тотема у австралийских аборигенов. Так, Э. Дюркгейм анализировал в «Элементарных формах» позитивные (предписывающие должные формы деятельности) и негативные ритуалы (запрещающие определенные формы деятельности) [39, Р. 299-388]. В повседневной жизни от индивида также требуется выполнение позитивных и негативных ритуалов (И. Гофман называет их *ритуалами преподнесения* и *ритуалами избегания* соответственно). Ритуалы преподнесения являются формой символических действий, выполняемых одним индивидом для выражения значимости другого индивида – такими действиями могут быть приветствия, приглашения, комплименты, поздравления и т.д. [10, С. 91-98]. Ритуалы избегания, наоборот, запрещают определенные действия: как те действия, которые угрожают «лицу»

самого актора, так потенциально разрушительные для чужого «лица» действия – например, избегаться могут определенные «неудобные» темы в разговоре или сама возможность встречи (избегание в прямом смысле); также свидетели могут сделать вид, что не заметили чужой «потери лица» [10, С. 82-91].

Повседневная жизнь наполнена инцидентами, то есть «событиями, символические следствия которых грозят потерей лица» [10, С. 27]. Поэтому в процессе взаимодействия между индивидами устанавливается «сотрудничество» (по И. Гофману), которое означает общую заинтересованность и совместно предпринимаемые меры для сохранения как своего лица, так и лица собеседника [10, С. 43-47]. Более того, индивиду вменяется обязанность осуществления контроля над собственными чувствами, мыслями и их внешними проявлениями – действиями [10, С. 98-107]. Требование контролировать себя, предъявляемое к индивидам, имеет не только утилитарную функцию обеспечения комфортного взаимодействия, но символическую – индивид должен проявлять уважение к «лицу», которое имеет сакральный характер, независимо от того, кому оно принадлежит (даже если это его собственное «лицо»).

Социальный порядок поддерживается благодаря исполнению повседневных ритуалов интеракций, без которых никакое взаимодействие невозможно. Эту аналитическую схему, перенесенную И. Гофманом на нерелигиозную повседневную рутину, но не получившую систематической разработки, Р. Коллинз подвергает дальнейшей формализации и разрабатывает на её базе теорию ритуалов интеракции, что существенно повысило объяснительный и прогностический потенциал программы теории ритуалов интеракций.

Р. Коллинз, используя понятие ритуала в своей теории, отказывается от существующих интеллектуальных традиций его понимания [32, Р. 7-9]. Основной целью теории Р. Коллинза является развитие «модели ситуационной каузальности Дюркгейма-Гофмана» – аналитической схемы анализа интеракций (взаимодействий) [32, Р. 8-9]. Таким образом, слово «ритуал» в

названии теории обозначает её связь с интеллектуальной традицией изучения религиозных ритуалов Э. Дюркгейма и «светских» (повседневных, нерелигиозных) ритуалов И. Гофмана, но не определяет содержание. Содержание теории Р. Коллинза – общая социологическая теория интеракций.

Р. Коллинз в первой главе работы «Interaction ritual chains» утверждает, что его аналитическая стратегия заключается в том, чтобы «начать с динамики ситуаций; отсюда мы можем вывести почти всё, что мы хотим знать об индивидах, [понятых] как движущийся осадок различных ситуаций» [32, Р. 4]. В дальнейшем мы не обнаруживаем никакой разработки теории ситуаций у Р. Коллинза, из чего следует, что это лишь риторический прием, позволяющий расширить проблемное поле теории и устранить любые иные объяснительные модели взаимодействий. «Индивид – это цепочка ритуалов интеракций» [32, Р. 5], а следовательно, концептуальных ресурсов теории ритуалов интеракций достаточно для объяснения любых взаимодействий без заимствования психологических и использования макросоциологических объяснительных моделей.

Теория Р. Коллинза является развитием идей Э. Дюркгейма и И. Гофмана, а значит, прежде всего, должна объяснить, как возникает солидарность, от каких условий она зависит. Но что такое солидарность? Солидарность для Р. Коллинза – это то же самое, что и чувство принадлежности к группе¹. Это определение является важным теоретическим выбором, позволяющим дать четкое эмпирическое определение категории солидарности. Поскольку программа теории ритуалов интеракции в своем основании опирается на идеи Э. Дюркгейма, у которого категория солидарности является центральной темой почти всех его работ, отсутствие специального определения солидарности у Р. Коллинза указывает одновременно и на частичное согласие с дюркгеймовской трактовкой, и на имплицитную (никак явно не обозначенную

¹ Это следует из того, что оба понятия в «Interaction ritual chains» на стр. 49 перечисляются через запятую как результат РИ под номером 1 в списке – «1. Солидарность, чувство принадлежности к группе», а не по отдельности, то есть, например, так: «1. Солидарность; 2. Чувство принадлежности».

и не обоснованную, но фактически проведенную вышеобозначенным образом) редукцию этой трактовки.

Эта редукция, предоставляющая удобную эмпирическую интерпретацию категории солидарности, предположительно, обусловлена неопределенностью использования этой категории у Э. Дюркгейма (даже несмотря на огромный интерес классика к проблематике, связанной с солидарностью). Он в разных местах своей основной работы, полностью посвященной солидарности – «О разделении общественного труда», по-разному определяет солидарность: как чувство (вопрос – какое именно), как «чисто моральное явление, не поддающееся само по себе ни точному наблюдению, ни особенно измерению», «предрасположение нашей психической природы», связь индивидов [13, С. 58-105]. А. Б. Гофман считает, что в работах Э. Дюркгейма «солидарность выступает как социальная связь, взаимодействие, соприкосновение между индивидами, между индивидами и обществом (группой), между группами, между институтами («органами», как он их обозначает вслед за Спенсером) и между функциями» [8, С. 21]. Такая неопределенность понятия требует эмпирической интерпретации (определения через указание эмпирически фиксируемых признаков), что и делает Р. Коллинз. Подчеркнем этот момент: солидарность Р. Коллинз понимает как *чувство принадлежности к группе* (даже если в качестве группы выступает диада или интеллектуальное сообщество с неопределенными границами).

Р. Коллинз выделяет следующие компоненты (начальные условия, «ингредиенты») ритуала интеракции:

1. физическое (телесное) соприкосновение;
2. общий объект внимания и осознание сопричастности общей вовлеченности (то есть того факта, что внимание других сосредоточено на том же объекте);
3. осознание групповых границ (кто включен и кто исключен из взаимодействия);
4. общее эмоциональное состояние [32, Р. 48].

Эффективность ритуала интеракции зависит от степени выраженности каждого выделенного элемента. Каждый из четырех элементов является переменной, которая может принимать разные значения или вовсе отсутствовать (что может быть формально квалифицировано в исследовательском инструментарии как нулевое значение переменной).

Результатом ритуала интеракции являются следующие элементы:

1. групповая солидарность, чувство принадлежности;
2. изменение эмоциональной энергии участников ритуала интеракции;
3. символы, репрезентирующие группу – любые явления, которые ассоциируются с группой (изображения, слова, жесты и т.д.);
4. моральное чувство (чувство правоты в том, чтобы оставаться верным группе и защищать её ценности и нормы от нарушителей (transgressors)) [32, P. 48].

Ключевыми критериями успешности ритуала интеракции являются:

1. на индивидуальном уровне – уровень эмоциональной энергии;
2. на групповом – уровень солидарности.

Эмоциональная энергия – это «континуум, в диапазоне которого на одном конце располагаются уверенность, энтузиазм, хорошее самочувствие; в середине диапазона [находится] обычное спокойное состояние; на другом конце – депрессия, отсутствие инициативы и негативное самочувствие» [32, P. 108]. Р. Коллинз в оригинальной дефиниции использует понятия «high end» и «low end» для обозначения противоположных полюсов диапазона, используя пространственную метафору высоты для придания риторической убедительности и «наглядности» определению. Прямой перевод на русский язык, наоборот, снизил бы ясность определения. Однако сама эта оговорка относительно несимметричного перевода с указанием на конкретные измененные элементы и их оригинальный смысл компенсирует возможные искажения в понимании.

Эмоциональная энергия не является ситуативной краткосрочной эмоцией, то есть не пропадает с окончанием текущего взаимодействия. Эмоциональная

энергия создается последовательностью предыдущих, настоящих и влияет на будущие ритуалы интеракций. Долгосрочность эмоционального состояния после ритуала интеракции обеспечивается использованием символов, созданных или «обновленных» в данном взаимодействии [32, Р. 81]. Эмоциональная энергия изменяется под влиянием аффектов, понятых как «сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания» [18, Р. 168], эмоций, которые «В отличие от аффектов <...> представляют собой более длительные состояния <...> выражают оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них» [18, Р. 169], чувств, имеющих «отчетливо выраженный предметный характер, возникающий в результате специфического обобщения эмоций, связывающегося с представлением или идеей о некотором объекте — конкретном или обобщенном, отвлечённом» [18, Р. 170]. Р. Коллинз называет все эти эмоциональные процессы краткосрочными эмоциями («short-term emotions»), которые могут изменять эмоциональную энергию, но не выражают полностью её содержания. Краткосрочные эмоции зависят от ситуаций и конкретных объектов, тогда как эмоциональная энергия сохраняется даже после того, как ситуация завершилась, а объект перестал быть центром внимания. Эмоциональная энергия – это эмоциональное состояние, формируемое предыдущими ритуалами интеракций и оказывающее влияние на последующие, а также служащее «фоном» любых взаимодействий.

В связи с упомянутой выше аналитической схемой взаимодействия возникает следующий вопрос: почему физическое соприкосновение оказывается влияющей на результат ритуала интеракции переменной, если общий фокус внимания, общее эмоциональное состояние и представление о границах можно поддерживать через онлайн-переписку, телефонный разговор, видеосвязь? Р. Коллинз, отвечая на этот вопрос, предлагает представить мысленно свадьбу или похороны по телефону – ритуал будет неудачным [32, Р. 54]. Но риторическая убедительность не отменяет теоретического обоснования. Все виды удаленной, без физического присутствия коммуникации исключают

определенные каналы коммуникации или отдельные знаки, важные для создания общего фокуса внимания и эмоционального вовлечения. Онлайн-переписка не позволяет видеть и слышать собеседника, телефонный разговор исключает наблюдение. Видеосвязь, наиболее приближенный к реальному лицом-к-лицу способ взаимодействия, представляется наиболее предпочтительным удаленным средством связи с точки зрения теории ритуалов интеракций. Однако «идеальная» видеосвязь предполагает визуальную доступность для взаимодействующих всех, в том числе сознательно не фиксируемых, телесных реакций собеседника (это необходимое условие для возникновения телесной синхронизации).

Важным аспектом ритуала интеракции является *синхронизация*. Р. Коллинз не дает специального определения этому понятию, используя его в общенаучном значении, то есть имея в виду процесс приведения параметров разных объектов к единому значению (подразумевая в качестве объектов индивидов). Такими синхронизируемыми параметрами могут быть: (1) (микродвижения взаимодействующих, (2) голос участников ритуала интеракции, (3) структура вокализаций одного участника ритуала интеракции, согласующаяся со структурой телесных движений другого. Согласно теории Р.Коллинза, участники достигают наибольшей синхронии (как результата синхронизации) при соблюдении всех условий эффективного ритуала интеракции. Синхрония не включена в формальную схему ритуала интеракции Р. Коллинза как начальное условие или результат, поскольку она является следствием соблюдения всех условий эффективного ритуала интеракции, но не имеет самостоятельного социологического значения (как солидарность, общие символы, изменение эмоциональной энергии или моральное чувство). Однако степень синхронии – очень удобный индикатор эффективного ритуала интеракции, который может быть эмпирически зафиксирован и использован в прогнозировании последующих ритуалов интеракций [32, Р. 75-78].

Ритуалы могут быть *формальными* (осуществляемыми по формальной, заранее известной участникам процедуре), *естественными* (возникающими

спонтанно), *вынужденными* (участники ритуала интеракции демонстрируют вовлеченность при её отсутствии, теряя при этом эмоциональную энергию). Формальные ритуалы производят *категориальные идентичности* (принадлежность к неопределенно широкой социальной группе), неформальные ритуалы производят *персональные репутации* (локальные и временные социальные репрезентации, разделяемые большинством). Чем более выражена категориальная идентичность (класс, сословие, каста) взаимодействующих, тем больше условностей соблюдают участники взаимодействия и тем выше, следовательно, формализация взаимодействия. Формальные ритуалы дают более сильное чувство групповых границ, чем неформальные, которые посредством кристаллизации в символах склонны становиться формальными [32, Р. 49-53].

Однако категориальные идентичности сегодня уступают место репутациям, поэтому уважение к социальной категории собеседника сменяется уважением к «лицу», которое «является сакральным, и потому экспрессивный порядок (система выразительных средств), требуемый для его сохранения, имеет ритуальную природу» [10, С. 34].

Стратификация общества может быть рассмотрена на микроуровне посредством анализа властного и статусного измерений ритуалов интеракций. В измерении власти ритуал интеракции анализируется с точки зрения взаимодействия отдающего приказ (*order-giver*) и принимающего приказ (*order-taker*). Ритуалы интеракций различаются по степени выраженности властной составляющей, от полного её отсутствия до предельной выраженности: чем более выражена властная составляющая ритуала интеракции, тем больше фокус внимания участников смещен на процесс отдачи приказов (*order-giving*). Такой ритуал интеракции Р. Коллинз называет ассиметричным, так как отдающие приказ испытывают чувства превосходства, инициативы, наполненности эмоциональной энергией в данном ритуале интеракции (следовательно, они более привержены групповым символам), а получающие приказы принуждаются к концентрации внимания на процессе отдачи приказа

(«приказание», «order-giving») и чувствуют слабость, утрату инициативы, подавленность, снижение эмоциональной энергии (и в результате отрицают значимость групповых символов). Чем сильнее это когнитивное и эмоциональное принуждение, тем более эффективен асимметричный ритуал интеракции [32, Р. 113].

Наибольшее принуждение осуществляется в насильственных ритуалах интеракции, для которых характерна предельная концентрация внимания жертвы на действиях осуществляющего насилие и сильная поляризация эмоционального состояния взаимодействующих¹.

Статусное измерение ритуала интеракции заключается в степени включенности (инклюзии) и исключенности (эксклюзии) индивидов во взаимодействия, а также в их близости к центру внимания. Наиболее общими являются следующие статусы, обусловленные положением индивида в ритуале интеракции:

- 1) в центре внимания;
- 2) на периферии внимания группы и групповых взаимодействий;
- 3) исключение из взаимодействий [32, Р. 115-116].

На макроуровне, вне непосредственного взаимодействия, индивиды, принадлежащие к разным иерархическим уровням общества (классам, стратам), как правило, имеют разный уровень эмоциональной энергии: высшие классы имеют больше эмоциональной энергии, чем низшие, что позволяет им занимать доминирующую позицию в непосредственном взаимодействии и получать тем самым ещё больше эмоциональной энергии. Это не свойство самих индивидов, но следствие тех ритуалов интеракций, в которых они ранее принимали участие [32, Р. 131-133]. Сословная стратификация предполагает наследование иерархического статуса, при котором индивид с низкой эмоциональной энергией может занять высокие позиции. Однако это не является

¹ Более подробно теория насилия Р. Коллинза будет рассмотрена далее, поскольку она разрешает противоречия между базовой теоретической схемой и наблюдаемыми контрпримерами, заключающимися в приверженности некоторых индивидов насильственным взаимодействиям.

опровержением теории ритуалов интеракций. Наличие высокого аскриптивного статуса является ресурсом, который позволяет занимать доминирующую позицию в асимметричных ритуалах интеракций, следствием чего становится повышение эмоциональной энергии.

Множество потенциально доступных ритуалов интеракций Р. Коллинз называет «рынками ритуалов интеракций». Индивид делает выбор в пользу участия в одних ритуалах интеракций в ущерб другим, подбирает себе желательных партнеров и сам становится предметом выбора для других индивидов. Использование метафоры рынка, взятой из экономической теории, предполагает переопределение индивида, реализующего на этом рынке свои возможности. Концепция «рационального актора», представляющего индивида как субъекта, чье поведение объясняется стремлением получения максимальной выгоды и наименьших потерь, критикуется Р. Коллинзом. По его мнению, не существует общей меры полезности, которой мог бы руководствоваться индивид, осуществляя «рациональный выбор». Представление о процессе принятия решений как калькуляции выгод и затрат является не только контринтуитивным (что нормально для научного знания в отличие от обыденного), но и контрфактуальным: альтруизм, ценностно-ориентированное, эмоциональное поведение противоречат концепции индивида как рационального актора [32, Р. 143-144].

Основными ресурсами индивидов на рынке ритуалов интеракций являются символы и эмоциональная энергия. Уровень эмоциональной энергии определяет, готов индивид к активному участию в ритуалах интеракций (вплоть до создания солидаризированных групп, тогда такой индивид становится харизматическим лидером) или он полностью пассивен (что означает его бесполезность в ритуалах интеракций, поскольку они не произведут солидарности и дополнительной эмоциональной энергии). Культурный капитал – это совокупность эмоционально заряженных символов, которые в своих ритуалах интеракций может использовать индивид [14, Р. 71]. Как мы отмечали ранее, символом в теории Р. Коллинза может быть любое явление,

ассоциирующееся с группой. Символы служат маркером принадлежности к группе и могут производить больше или меньше солидарности в зависимости от успешности ритуалов интеракций, в которых эти символы ранее были созданы или наполнены новым когнитивным или эмоциональным значением.

От религиозных собраний (молитвы, правила поведения в храме, облачения и т.д.) и политических митингов (флаги, политические доктрины, общезначимые события прошлого и т.д.) до повседневных разговоров (темы, стиль ведения диалога), – все эти ритуалы интеракций наполнены символами, определяющими течение интеракций, групповые границы и результаты, выражаемые в степени солидарности и эмоциональной энергии.

Участие индивидов в системе общественного производства и потребления (которую Р. Коллинз называет «материальным рынком») обусловлено необходимостью материального обеспечения ритуалов интеракций [32, Р. 160-163]. На макроуровне ритуал интеракции зависит от инфраструктуры (здания, где можно собраться, устройства, обеспечивающие коммуникацию и т.д.), на микроуровне – от требований, предъявляемых к индивиду группой или его естественной конституцией (например, чтобы участвовать в свадебной церемонии, нужно как минимум не испытывать физического истощения от голода и иметь приличествующую одежду).

Кроме необходимости материального обеспечения ритуалов интеракций индивиды могут иметь и иную мотивацию для работы – любая работа связана с определенными ритуалами интеракций, совершаемыми в ходе рабочего процесса, и эти ритуалы интеракций могут быть привлекательны для работников с точки зрения повышения собственной эмоциональной энергии. Индивиды, которым рабочие ситуации дают больше эмоциональной энергии, чем любые другие ситуации, с которыми они сталкиваются во вне рабочее время, становятся привержены своей профессии, компании, рабочему коллективу. Это объясняет феномен трудоголизма [32, Р. 163].

Так, мы можем предположить, что широко распространенная ситуация приверженности некоторых преподавателей своему делу, несмотря на крайне

низкую, по их мнению, заработную плату и множество им неприятных обязанностей, связанных с отчетностью, может быть объяснена в рамках теории ритуалов интеракций: преподаватель участвует в интенсивных ритуалах интеракций со множеством физически сопричастующих индивидов (студентов) в рамках строго определенных границ (физические границы аудитории), будучи в центре внимания аудитории, имея возможность широко использовать свой культурный капитал (идеи и навыки, связанные со специализацией преподавателя). Такой ритуал интеракции должен сильно повышать эмоциональную энергию преподавателя, что заставляет его снова и снова возвращаться в аудиторию.

Таким образом, вместо концепции рационального индивида Р. Коллинз предлагает концепцию ритуально рационального индивида, или искателя эмоциональной энергии (EE-seeker, emotional energy seeker), поведение которого рационально с точки зрения выбора тех ритуалов интеракций (и их участников, соответственно), которые способны максимизировать уровень его эмоциональной энергии, и избегания ритуалов интеракций, способных этот уровень понизить [32, Р. 157-158].

Индивид, представленный как EE-seeker, совершает выбор в пользу того или иного действия (предполагающего непосредственное взаимодействие лицом-к-лицу либо посредством средств связи, текста), ориентируясь на свои ресурсы (уровень эмоциональной энергии и конфигурацию культурного капитала) и максимальную выгоду в форме повышения эмоциональной энергии. Этот выбор чаще всего осуществляется бессознательно: «Притяжение к или отталкивание от конкретных ситуаций часто происходит автоматически, без самосознания, так как индивиды просто чувствуют, что их энергия притягивается некоторыми взаимодействиями и обходит другие» [32, Р. 158].

Учитывая вышесказанное, можно заметить, что теория ритуалов интеракций Р. Коллинза так же, как и этнометодология [5], ориентирована на исследование мельчайших деталей социального действия. Р. Коллинз признает значимость детального описания локальных порядков взаимодействия, но

считает возможным и необходимым дать этому порядку объяснение, опирающееся на концепцию ритуальной рациональности индивида [32, Р. 102-105].

Устойчивость феномена насилия (целенаправленного нанесения вреда одним субъектом другому в ситуации непосредственного взаимодействия), наблюдаемого в любом обществе в любой исторический период, в форме нанесения вреда здоровью или психологическому состоянию, – казалось бы, является фальсифицирующим теорию фактом, то есть таким фактом, который опровергает всю теорию, доказывая наличие такого явления, которое запрещается теорией [20, С. 105-123]. Конфронтация не приносит солидарности, но разрушает её. Некоторые индивиды стремятся к несолидарным насильственным интеракциям. Однако Р. Коллинз создает специальную теорию насилия, являющуюся производной от общей теории ритуалов интеракций, таким образом защищая теорию от нападков и существенно развивая её эвристику – актуальную и потенциальную объяснительную способность. То есть мы можем говорить о теории ритуалов интеракций как успешной научно-исследовательской программе, в которую Р. Коллинз внес существенный теоретически прогрессивный сдвиг («последовательность теорий является теоретически прогрессивной <...>, если каждая новая теория имеет какое-то добавочное эмпирическое содержание по сравнению с её предшественницей, то есть предсказывает некоторые новые, ранее не ожидаемые, факты») и эмпирически прогрессивный сдвиг («теоретически прогрессивный ряд теорий является также и эмпирически прогрессивным <...>, если какая-то часть этого добавочного эмпирического содержания является подкрепленной, то есть, если каждая новая теория ведет к действительному открытию новых фактов») [17, С. 333].

Отмеченную выше проблему противоречия насилия общей модели ритуала интеракции Р. Коллинз решает в монографии «Насилие: Микро-

социологическая теория»¹, расширяя теорию ритуалов интеракций и подтверждая её многочисленными примерами.

Наиболее общий механизм насильственного конфликта имеет следующий вид. В ситуации противоположности целей каждой из сторон взаимодействия возникает напряжение, связанное с невозможностью нормального (успешного) протекания ритуала интеракции первого порядка. ««Страх» во время взаимодействия – это напряжение, связанное с возможностью разрушения фундаментального ритуала солидарности, предрасположенности ко взаимному вовлечению» [33, Р. 135]. Затем наступает период борьбы за установление определенного паттерна взаимодействия, выгодного лишь одной из сторон. После того, как паттерн одной из сторон установлен, интеракция протекает под контролем одной из сторон.

Также в период переживания конфронтационного напряжения (без совершения насильственных действий) может произойти внезапное событие, которое сделает одну из сторон уязвимой, слабой. Такие события провоцируют немедленный спад конфронтационного напряжения у одной из сторон конфликта, оказавшейся в более выгодном положении. Согласно теории насилия Р. Коллинза, насилие возможно только в том случае, когда найдены пути обхода конфронтационного напряжения/страха [33, Р. 19]; если напряжение имеет высокоинтенсивный характер, а событие, снимающее это напряжение (обнаружение слабости или уязвимости противника), происходит внезапно, возникает «наступательная паника» (*forward panic*) – нерациональное, избыточное насилие, в ходе которого индивид испытывает эмоциональный подъем, «захваченность» собственным насилием, и совершает насильственные действия в едином ритме [33, Р. 83-132].

Ритмичность действий – одно из важных условий создания высокоинтенсивного ритуала интеракции. Интенсивность «наступательной паники» как насильственного ритуала интеракции объясняет многие случаи

¹ Монография «Violence: A Micro-sociological theory» издана через четыре года после «Interaction ritual chains».

избыточного насилия как в повседневной жизни, так и в экстраординарных обстоятельствах (например, на войне).

В отличие от «наступательной паники», охватывающей не склонных к насилию индивидов помимо их воли, поведение серийных убийц можно охарактеризовать как сознательное и руководимое определенным планом. Процесс поимки жертвы и медленных пыток, практикуемых некоторыми преступниками, на первый взгляд, не имеет ничего общего с интенсивным напряжением и внезапным его снятием. Однако медленный процесс пыток, в котором жертва просит пощады, а преступник изображает неудовлетворенность стараниями жертвы, – не что иное, как сознательно конструируемое преступником конфронтационное напряжение, мотивирующее последующие насильственные действия. Такой процесс пыток создает асимметричную вовлеченность, характерную для высокоинтенсивного насильственного ритуала интеракции, что заставляет преступника совершать аналогичные преступления с новыми жертвами [33, Р. 152].

Следует отметить, что асимметричная вовлеченность (конфигурация ритуала интеракции, при которой эмоциональная энергия одной из сторон интеракции увеличивается за счет уменьшения эмоциональной энергии другой стороны) выполняет ту же роль в насильственных интеракциях, что и симметричная, или «обычная», вовлеченность в «нормальном» ритуале интеракции (совместное увеличение эмоциональной энергии обоими участниками ритуала интеракции) – роль мотиватора для повторения подобных ритуалов интеракций. Таким образом, высокая асимметричная вовлеченность характерна для любого массового и/или особенно жестокого насилия [33, Р. 102-104].

Сталкиваясь с необходимостью объяснить мышление (и, шире, – интеллектуальную деятельность), Р. Коллинз проводит важное различие в своей теории между *ритуалами интеракции первого, второго и третьего порядка*. Ритуалы интеракций первого порядка – это простейшие взаимодействия лицом-к-лицу, удовлетворяющие условиям физического

соприсутствия, осознания границ, общего фокуса внимания и общего эмоционального состояния. Ритуалы интеракции второго порядка – это коммуникация по поводу ритуалов интеракций первого порядка. Так, разговор о прошедшей церемонии и её участниках является ритуалом второго порядка. Если ритуал интеракции второго порядка является «рециркуляцией [символов, созданных в ритуале интеракции первого порядка] в разговорных сетях», то ритуал интеракции третьего порядка – это рециркуляция символов, созданных в ритуалах интеракций первого и второго порядка, в сознании индивида [32, Р. 183].

Таким образом, в рамках теории ритуалов интеракций различают:

- 1) ритуал интеракции первого порядка – взаимодействие индивидов в непосредственном присутствии друг перед другом;
- 2) ритуал интеракции второго порядка – взаимодействие, в котором индивиды сосредотачивают своё внимание на аспектах предыдущих ритуалов интеракций; разговор, темой которого является ритуал интеракции первого порядка;
- 3) ритуал интеракции третьего порядка – мышление, конституированное символами, созданными в ритуалах интеракций первого и второго порядка.

Это различие имеет аналитический, а не онтологический характер: выделяя три порядка взаимодействия, имеющие сущностные черты, Р. Коллинз расширяет возможности созданного им теоретического языка, хотя это не означает, что порядки ритуалов всегда представлены в реальном взаимодействии обособленно. В повседневности мы постоянно сталкиваемся со «смешанными» формами взаимодействия. Так, вежливый разговор в лифте на стадии обмена приветствиями и комплиментами является ритуалом интеракции первого порядка; затем разговор может коснуться деталей вчерашнего события, в котором принимали участие оба собеседника, – это будет ритуалом второго порядка; наконец, мышление, то есть ритуал интеракции третьего порядка, следует полагать, задействовано на всех стадиях взаимодействия. Возможны и

относительно «чистые» формы порядков ритуалов интеракции: просмотр кинофильма зрителями в кинотеатре, допрос следователем подозреваемого, конструирование контраргумента ученым в ответ на критическую статью являются, соответственно, ритуалами первого, второго и третьего порядка.

Концепция мышления Р. Коллинза отталкивается от концепции мышления Дж. Г. Мида как интернализованного разговора со значимым сообществом. Концепция мышления Дж. Г. Мида является производной от его теории самости, состоящей из нерефлексивного «I», образа, составленного из оценок других, – «Me» и общих сообществу установок, на которые индивид ориентируется в своем поведении и мышлении. Таким образом, мышление, с точки зрения Дж. Г. Мида не что иное как «внутренний разговор, в котором мы можем принимать в отношении себя роли конкретных знакомых, но обычно беседуем с тем, что я назвал «генерализованным другим», выходя тем самым на уровень абстрактного мышления и той безличности, так называемой объективности, которую мы очень ценим» [19, С. 71]. Р. Коллинз считает концепцию мышления Дж. Г. Мида лишь метафорой, полезной для дальнейшего развития социологической теории [32, Р. 205], и предлагает концепцию мышления, в котором понятие символа заменяет понятие «установки», и таким образом мышление детерминируется не отношениями «I», «Me» и «Обобщенного Другого», а цепочкой (совокупностью) предыдущих ритуалов интеракций, в которых некоторые события, идеи, индивиды становятся эмоционально значимыми и интернализируются индивидом в качестве символов, составляющих его мышление.

Таким образом, исследование теории религии Э. Дюркгейма, теории повседневных ритуалов И. Гофмана, концепции мышления Дж. Г. Мида позволило сделать вывод о последовательном развитии единого теоретического проекта, позволившего создать теорию ритуалов интеракций Р. Коллинза.

1.2 Эмпирический базис теории ритуалов интеракций

Основная совокупность эмпирических исследований, обобщение которых позволило создать теорию ритуалов интеракций, сосредоточена в области изучения феномена синхронизации в социальном взаимодействии. Многочисленные эксперименты, направленные на выявление различных форм синхронизации во взаимодействии, позволили включить этот элемент (синхронию) в теорию ритуалов интеракций на этапе её создания как эмпирический факт. Эмпирическая адекватность остальных элементов теории ритуалов интеракций подтверждается в качественных исследованиях с использованием методов наблюдения и интервью.

Явление синхронизации (и синхронии как результата синхронизации) является важным элементом ритуала интеракции. Этот элемент формальной схемы ритуала интеракции имеет промежуточное положение между начальными условиями и результатами ритуала интеракции. Занимая промежуточное положение, степень синхронии может служить надежным индикатором эффективности ритуала. Это значит, что, фиксируя значение синхронии, мы можем делать обоснованные предположения о степени выраженности начальных условий (физическое присутствие, объект внимания, границы интеракции, общее эмоциональное состояние) и предсказывать результаты ритуала интеракции (степень солидарности, изменение эмоциональной энергии, выраженность морального чувства, значимость созданных или обновленных символов). В ритуале интеракции различные параметры взаимодействующих индивидов могут принимать общие значения (то есть синхронизироваться) на различных уровнях: речевой, телесный и телесно-речевой. С 1960-х годов XX века по сегодняшний день проведено множество эмпирических исследований синхронии. В данной работе представлены наиболее значимые из них, поскольку они являются частью эмпирического базиса программы теории ритуалов интеракций.

Вильям Кондон (William Condon)¹, впервые обративший внимание на феномен синхронии в поведении индивидов, ввел понятие «процессуальная единица», означающее «инициирование и поддержание направленности изменения [движения] частей тела относительно друг друга (специфические направления, поддерживаемые индивидом, могут различаться) в течение данного момента времени в отличии от предыдущих и последующих аналогично поддерживаемых конфигураций движения частей тела» [37, Р. 224]. Понятие процессуальной единицы, отражающее минимально различимый поведенческий телесный паттерн, необходимо автору для обозначения тех движений, которые происходят одновременно с произнесением определенной речевой единицы – фонемы, слога, слова, фразы и т.д. Просматривая видеозаписи, на которых запечатлены отдельные события, в которых люди нечто произносят, В. Кондон обнаружил одновременное изменение процессуальных единиц и единиц речи. Автор обнаружил явления самосинхронии и интерактивной (интеракционной) синхронии («interactional synchrony»).

Самосинхрония заключается в соответствии процессуальных единиц индивида единицам его собственной речи. Интерактивная синхрония – соответствие процессуальных единиц одного индивида речевым единицам другого [37, Р. 224-232].

Феномен синхронии ставился под сомнение Джозефом МакДауэллом (Joseph McDowall) на основе эксперимента, в котором четверем наблюдателям, отобранным автором для просмотра видеозаписи (на которой запечатлена дискуссия трех индивидов), не удалось достичь значимой согласованности заключений по поводу выделяемых паттернов движений [56, Р. 81-83]. Исследование Дж. МакДауэлла опровергает как возможность объективного выделения «процессуальных единиц», так и утверждение о неслучайности движений взаимодействующих индивидов. Однако проблема заключается в

¹ Вильям Кондон – американский психолог, Ph.D., на момент открытия синхронии был профессором Бостонского университета.

методологических различиях, а не в объективном противоречии экспериментальных результатов [60, Р. 200-201]. В. Кондон предлагает четкий критерий для выделения телесных паттернов – речевые единицы, при произнесении которых наблюдается одновременное сохранение скорости и направления движения различных частей тела [36, Р. 51]. Соответствие движений и речи не тождественно простой безотносительной наблюдаемости телесного паттерна, что полностью игнорируется Дж. МакДауэллом. Опровержение должно быть методологически адекватным.

Адам Кендон (Adam Kendon) вслед за Вильямом Кондоном в статье «Координация движений в социальном взаимодействии: Описание нескольких примеров» (1970 г.) покадрово проанализировал видеозаписи простого группового обсуждения и психотерапевтической сессии. Ему удалось подтвердить наличие феномена интерактивной синхронии, а также выявить ролевой паттерн синхронии для слушателя: в начале речи актора В актер А, слушатель, «отражает» движения актора В, устанавливается интерактивная синхрония; затем наблюдаемая телесная активность актора А сильно снижается до практически полной неподвижности; в конце речи актора В телесная активность актора А заметно повышается, актер А синхронизирует свои движения с высотой тона актора В, а актер В, в свою очередь, отражает движения актора А [55, Р. 108-114].

Важно заметить, что выявленная А. Кендоном связь между субъективной вовлеченностью в разговор и степенью синхронии (присутствующие при разговоре подвержены синхронизации меньше, чем говорящие) служит одним из эмпирических оснований для аналитической схемы ритуала интеракции Р. Коллинза, в которой степень синхронии является переменной, зависимой от осознания границ взаимодействия и сфокусированности на общем объекте внимания. В ситуации, в которой двое разговаривают, а остальные просто присутствуют и слушают этот разговор (как в исследовании А. Кендона), разговаривающие будут осознавать некоторую условную границу между собой

и остальными присутствующими и будут более внимательны к теме, содержанию, стилю разговора (общие объекты внимания).

Через четыре года после выхода статьи А. Кендона основоположник изучения интерактивной синхронии В. Кондон снова публикует статью – «Движение младенца, синхронизированное с речью взрослого: интеракционное участие и приобретение языка» (1974 г.) [38], где на основе анализа видеозаписей взаимодействия взрослых и младенцев подтверждается наличие феномена согласования паттернов движения и структуры речи. Выборка составила 16 младенцев, возраст четырнадцати из которых составлял от двенадцати часов до двух дней после рождения и возраст ещё двоих – 14 дней. Младенцы реагируют на речь взрослых, обращающихся к ним, актуализацией определенных паттернов движений, независимо от пола взрослого (что опровергает гипотезу о наличии такой связи только с матерью). Определенное направление и скорость движения частей тела младенца сохраняется на протяжении произнесения фонемы, слога или слова. В этом исследовании обнаружены паттерны движений («процессуальные единицы») длительностью 0.04-0.16 секунды, что свидетельствует о бессознательной природе феномена интерактивной синхронизации. Аналогичный анализ поведения младенцев проведен в экспериментальной ситуации, когда младенец слышит аудиозапись голоса взрослого, обращающегося к другому младенцу, – в этом случае синхрония не устанавливается [38, Р. 101]. Результаты исследования свидетельствуют о фундаментальном, досознательном характере явления синхронии.

Стэнфорд Грегори (Stanford Gregory), социолог из Кентского университета, провел серию исследований, посвященных синхронии на речевом уровне¹. Именно С. Грегори разработал метод *спектрального анализа аудиозаписей*, позволяющий объективно фиксировать синхронии на речевом уровне через *сравнение частотно-амплитудных характеристик голоса партнеров по взаимодействию*. На материале 5 интервью, проведенных автором

¹ С. Грегори использует термин «конвергенция».

для другого исследования, во время вторичной обработки аудиозаписей (методом спектрального анализа) была обнаружена речевая синхрония [51]. В другом исследовании, на материале 11 интервью (тоже взятых из предыдущего исследования), явление синхронии было подтверждено [50].

Также С. Грегори проводил исследования для обнаружения частот, в которых наблюдается наибольшая синхрония. Так, проанализировав четыре интервью, автор обнаружил наибольшее значение синхронии в фундаментальной полосе частот 0-0.5 кГц [47, Р. 246]. В другом исследовании, где анализировались 12 интервью автора и 11 записанных разговоров других индивидов, были получены более точные данные: наибольшая речевая синхрония наблюдается в диапазоне частот звукового сигнала, производимого разговаривающими индивидами, равном 60-200 Гц [49, Р. 204].

Анализ 25 интервью из телепрограммы «Larry King Live» показал наличие синхронии между интервьюером (Ларри Кингом) и интервьюируемыми [48, Р. 1235]. Кроме того, С. Грегори обнаружил, что низкостатусные участники разговора во время синхронизации больше изменяют свои речевые характеристики, чем высокостатусные участники, то есть наблюдается асимметричная синхронизация¹. Для измерения зависимости аккомодации от статуса применялся факторный анализ, по результатам которого С. Грегори составил ранговую таблицу. Так как статус является зависимой от многих факторов переменной, для проверки выводов относительно связи статуса и аккомодации были привлечены 596 студентов. Оценки статуса участников интервью 596 привлеченными к исследованию студентами совпали с ранговой таблицей, составленной по результатам факторного анализа [48, Р. 1236-1238].

Александра Пакстон (Alexandra Paxton) и Рик Дейл (Rick Dale) разработали метод автоматического видео-анализа, позволяющего определить степень синхронии во взаимодействии. Их определение синхронии как одновременного движения во времени не отличается от определений других исследователей, в том числе основоположника исследований синхронии

¹ С. Грегори называет это аккомодацией.

В. Кондона. Однако метод А. Пакстон и Р. Дейла позволяет существенно сократить временные затраты на анализ видеозаписей (в отличие от предлагаемого В. Кондоном и долгое время использовавшегося другими исследователями метода ручного транскрибирования каждого микродвижения). Метод фрейм-дифференциации (frame-differencing method, FDM), как называют его авторы, требует наличия лишь видеокамеры, программного обеспечения для разделения видеозаписи на последовательность статичных изображений и программы MATLAB. А. Пакстон и Р. Дейл создали специальный скрипт (закодированный по правилам программы сценарий) для программы MATLAB, позволяющий автоматически вычислить степень синхронии между двумя взаимодействующими индивидами.

А. Пакстон и Р. Дейл провели исследование разговоров между 62 незнакомыми студентами (31 диада). Студентам предлагалось обсудить в течение не менее 8 минут развлекательные медиа, которыми они пользуются (фильмы, музыка и т.д.). Собранные видеозаписи анализировались с помощью FDM. Было в очередной раз подтверждено явление телесной синхронии (одновременные движения участников разговора), а также взаимообусловленность степени достигнутой синхронии и оценок взаимной симпатии между участниками после разговора (при этом нельзя говорить о наличии основного фактора, симпатия и синхрония взаимно усиливают друг друга) [59, Р. 335-336].

Изменение высоты тона голоса в зависимости от физической привлекательности партнера по взаимодействию было установлено в эксперименте исследователя из Университета Балтимора Салли Фарли. Испытуемые, которых было 48 человек, должны были провести телефонный опрос нескольких человек, фотографии которых они видели непосредственно перед звонком. Однако дизайн эксперимента предполагал запись голоса лишь опрашиваемого, поэтому при каждом звонке испытуемого включался автоответчик, после которого испытуемый оставлял заранее определенное сообщение. При этом было произведено сравнение оценок привлекательности

изображенных на фотографиях людей для исключения смещений, связанных с индивидуальными предпочтениями. Сравнивались оценки испытуемых, совершавших звонки и оставлявших сообщения для автоответчика, и оценки группы специально отобранных для эксперимента оценщиков (39 человек). Оценки изображенных на фотографиях людей совпали в обеих группах (группа испытуемых и оценщиков). Было выявлено, что чем привлекательнее был человек, которому звонил испытуемый, тем больше последний изменял высоту тона голоса (а именно – понижал её) [41].

Данное исследование, проведенное в 2010 году, исключало непосредственную интеракцию с привлекательным партнером, поэтому подтвердилось лишь влияние физической привлекательности взаимодействующих на их вокальные характеристики. В исследовании 2013 года С. Фарли с коллегами использовала иной экспериментальный дизайн: 24 испытуемых (12 женщин и 12 мужчин) должны были поговорить по телефону с другом и с «романтическим партнером». Анализ аудиозаписей разговоров показал, что изменение голоса испытуемых при разговоре с «романтическим партнером» происходит в большей степени, чем при разговоре с другом. При этом мужчины повышали тон голоса, а женщины понижали при разговоре с лицом противоположного пола («романтическим партнером») [42, Р. 131]. Это свидетельствует о влиянии взаимных симпатий на степень синхронизации вокальных характеристик взаимодействующих. Повышение тона голоса мужчинами связано с тем, что женский голос в среднем имеет более высокую частоту основного тона (понижение тона женщинами объясняется низкой частотой основного тона голоса мужчин).

В этих исследованиях установлена взаимосвязь синхронии и симпатии (солидарности), что, в свою очередь, подтверждает валидность модели ритуала интеракции Р. Коллинза, в которой степень синхронии, являющаяся зависимой от начальных условий ритуала интеракции переменной, предсказывает степень солидарности (или степень симпатии), которой достигнут участники ритуала интеракции.

Синхрония имеет многоуровневый характер: элементарные паттерны движения объединяются в более сложные различимые паттерны. Так, каждое слово фразы может сопровождаться отдельными движениями произносящего или слушающего, однако общий паттерн движения во время фразы будет отличаться от паттерна следующей фразы. В телесно-речевой синхронии можно выделить фонетические, словесные, фразовые, полусекундные и секундные паттерны [35, Р. 66]. Синхрония является общей поведенческой характеристикой для всех индивидов. Кроме микроуровня межличностных взаимодействий синхрония может изучаться на макроуровне, так как она проявляется и в массовом поведении [65, Р. 78-80]. Отсутствие синхронии свойственно людям, имеющим психические заболевания. Сравнение поведенческого ответа (на микроуровне) на звук десяти детей без заболеваний и десяти детей с расстройствами аутистического спектра позволило выявить фундаментальное различие: множественные непредсказуемые реакции на микроуровне у детей с расстройствами контрастируют с единичной ответной реакцией у здоровых детей; хаотичные реакции детей с расстройствами аутистического спектра блокируют возможность синхронизации во взаимодействии [35, Р. 82-84]. В терминах теории Р. Коллинза это означает, что невозможность синхронизации исключает возможность нормального протекания ритуала интеракции, неизбежным следствием чего становится снижение возможностей на рынке ритуалов интеракций и социальная изоляция.

Юлия Прозорова¹ в 2007-2008 гг. провела кейс-стади, объектами которого стали группы «Анонимные Наркоманы» (пытающиеся выздороветь зависимые индивиды) и «Нар-Анон» (для друзей и родственников зависимых людей) в Санкт-Петербурге. В качестве методов использовались включенное и невключенное наблюдение и полуструктурированные глубинные интервью. Было выявлено, что успешность функционирования этих групп обусловлена соответствием (и сильной выраженностью элементов) взаимодействий во время

¹ Юлия Александровна Прозорова – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

собраний этих групп общей модели ритуала интеракции Р. Коллинза [21, С. 139-221]. Неосознанная, имплицитная организация собраний «Анонимных Наркоманов» и «Нар-Анон» в соответствии с условиями эффективного ритуала интеракции делает эти группы способными оказывать сильное психотерапевтическое воздействие на индивидов через, прежде всего, повышение эмоциональной энергии.

Также Ю. Прозорова в своем диссертационном исследовании совершила эпистемическую интервенцию ¹ в область психологии, переопределив сущностные черты и результаты групповой психотерапии с помощью теории ритуалов интеракций. Психотерапевтическое воздействие обусловлено не только (или не столько) самой техникой психотерапии, воздействующей на некие психологические индивидуальные механизмы, а специфической организацией процесса психотерапии, соответствующей условиям реализации успешного ритуала интеракции: физическое соприсутствие, осознание групповых границ (участвующие знают друг друга, посторонние не могут прийти в любое время), общий объект внимания (поднимаемые темы, связанные с переживаниями и проблемами членов группы), общее эмоциональное состояние (так как открытое выражение эмоций поощряется), сходный культурный капитал (участниками могут использоваться термины и интерпретативные схемы данной психотерапевтической программы) [21, С. 127-138].

Мередит Росснер (Meredith Rossner) в своей статье «Эмоции и ритуал интеракции: микро-анализ восстановительного правосудия» (2011 г.) представила результаты кейс-стади, являющегося попыткой изучения процесса восстановительной конференции (restorative justice conference) в перспективе теории ритуалов интеракций. Восстановительный процесс (реститутивный процесс, процесс медиации) определяется как «любой процесс, в котором жертва и правонарушитель и, где это уместно, любые другие индивиды или

¹ Подробнее об эпистемических интервенциях см.: Вахштайн, В. FAQ: эпистемические интервенции [Электронный ресурс] / В. Вахштайн // Постнаука. URL: <http://postnauka.ru/faq/27198> (дата обращения: 02.11.2015).

сообщество, пострадавшие от преступления, активно совместно участвуют в решении проблем, возникших в результате правонарушения, как правило, с помощью посредника» [52, Р. 7]. Формат конференции предполагает встречу конфликтующих сторон лицом-к-лицу. Проанализировав видеозапись, на которой преступник (Энтони) и жертва (Энн) обсуждают детали произошедшего правонарушения (ограбление в парке) и возможности внесудебного соглашения, она показала, какие именно детали этого взаимодействия привели к взаимному согласию жертвы и преступника. Во время процесса обсуждения присутствовали и вовлекались в разговор также муж жертвы (Терри), жена грабителя (Кристи), которая присутствовала на конференции с ребенком на руках, и полицейский (Марк). Теория ритуалов интеракций позволила М. Росснер не просто описать процедуру реститутивного правосудия в терминах ритуалов интеракций, но объяснить тот результат, который был достигнут участниками.

В начале процедуры все, кроме полицейского и жены грабителя (и её ребенка, разумеется), проявляют невербальные признаки психического напряжения (особенно жертва и грабитель) и враждебности (муж жертвы). Начав говорить первым, описывая произошедшее событие грабежа, как предполагает процедура реститутивного правосудия, грабитель проявляет признаки волнения, низкой эмоциональной энергии. Это объясняется наблюдаемым отсутствием поддержки со стороны присутствующих, рассогласованием эмоциональных состояний участников, отсутствием явных признаков синхронии между кем-либо (особенно, что важно, нет синхронии между говорящим и слушающими, что и приводит к интерактивным затруднениям говорящего). Поспешное предложение нарушителя покрасить дом жертвы в качестве компенсации наталкивается на отсутствие какого-либо отклика со стороны последней, из-за чего возникает неловкая пауза, длящаяся несколько секунд, после которой грабитель вынужден продолжить свою речь [61, Р. 100-102].

Центральный исследовательский вопрос, который стоит перед М. Росснер (хотя он и не выражен эксплицитно), можно выразить следующим образом: как жертва и преступник могут прийти к согласию (солидарности)? Очевидно, что в перспективе теории ритуалов интеракций ответ на этот исследовательский вопрос требует не только анализа интеракций по формальной схеме Р. Коллинза, но и определения тех событий, явлений и процессов, которые трансформируют эмоции участников. Такая трансформация необходима для того, чтобы успешный ритуал интеракций смог произвести солидарность (т.к. одно из «начальных условий» ритуала интеракции – общее эмоциональное состояние). М. Росснер находит эти «ключевые точки» взаимодействия, являющиеся условием возможности успешной реститутивной конференции.

Синхрония частично проявляется лишь тогда, когда начинает говорить жертва, вступая периодически в диалог с грабителем. Вероятно, сама диалогическая форма взаимодействия способствует процессу синхронизации, что и фиксирует М. Росснер. Однако в данном случае имеется в виду особый вид речевой синхронии, заключающийся не в совпадении частотно-амплитудных характеристик голоса, а в отсутствии значимых задержек или «наложений» фраз участников диалога в процессе чередования. Муж жертвы до определенного момента сохраняет враждебность и не проявляет признаков синхронии.

Течение конференции полностью изменяется благодаря жене грабителя, которая использует ссылки на общность значимых символов (составляющих культурный капитал – в терминологии Р. Коллинза), упоминая свою работу в банке и свою учебу в колледже (символы среднего класса), а также демонстрируя своё отвращение к поступку мужа, сожаление по этому поводу (интерпретативные схемы поступка, используемые жертвой и её мужем, тоже являются символами) [61, Р. 103-108]. В соответствии с теорией Р. Коллинза, значимость («заряженность») символа зависит от цепочки предыдущих ритуалов интеракций. Очевидно, что для жертвы и её мужа некоторое время

после события грабежа интерпретативная схема произошедшего будет иметь первичную эмоциональную значимость.

Далее жена грабителя рассказывает о своем опыте пребывания в роли жертвы ограбления. Опыт виктимизации в данном речевом взаимодействии служит символом общности для неё и противоположной стороны (жертвы и её мужа). Таким образом, риторическая стратегия жены грабителя наилучшим образом подходит для снятия взаимной враждебности и установления общего эмоционального состояния. М. Росснер отмечает эффект такой стратегии, описывая невербальные признаки эмоционального вовлечения мужа жертвы: «Ранее Терри не был сосредоточен или вовлечен. Он вздыхал и осматривал комнату. Здесь же его голова неподвижна и глаза сфокусированы <...> В то время как его губы [уголки губ] направлены вниз, напряжение вокруг рта снято. Его щеки также более расслаблены. Когда Кристи говорит, он очень медленно кивает головой. Его голова слегка наклонена влево, вместо того чтобы пристально смотреть прямо. Всё это оказывает эффект смягчения его позиции и появления большей вовлеченности. Кристи подвела Терри к интеракции, и его лицо выражает симпатию и заботу» [61, Р. 109]. После этого Терри, муж жертвы, снисходительно высказывается в адрес Энтони, грабителя, обозначая своё прощение. Затем наступает 17-секундная пауза, в которой можно наблюдать, как на глазах Терри проступают слезы.

Затем следует серия обменов репликами, в которых Кристи акцентирует свою роль матери (общий для неё и Энн символ), а Терри дает совет Энтони, как вести себя в предстоящем судебном заседании, где будет решаться дальнейшая судьба последнего. Цель реститутивной конференции – достижение согласия между нарушителем, пострадавшим и связанными с ними членами семей, сообществ. В данной конференции участники пришли ко взаимному соглашению о том, что нарушитель (Энтони) найдет себе работу и будет заботиться о жене и ребенке. В результате, после того как конференция закончилась, жертва и грабитель пожали руки, на их лицах заметны искренние улыбки без признаков психического напряжения [61, Р. 115]. Когда

впоследствии состоялось судебное заседание по факту ограбления, судья, ознакомившись с видеозаписью конференции, признал раскаяние Энтони искренним и вместо ограничения свободы вынес приговор, предписывающий 240 часов общественных работ.

Вполне закономерно из вышесказанного следует вывод о том, что в данном случае восстановительная конференция оказалась успешным ритуалом интеракции, трансформировавшим изначально враждебное отношение сторон конфликта в солидарность. Активное использование одним из участников восстановительной конференции символов, являющихся частью культурного капитала всех участников, стало катализатором для запуска механизма ритуала интеракции. Общие символы сфокусировали внимание всех участников на говорящем, заставили испытывать идентичные эмоции, создали ситуативное представление о принадлежности к одним и тем же общностям (и, соответственно, о границах), что в условиях физического соприсутствия позволило возникнуть явлению синхронии и, в конце ритуала интеракции, произвело солидарность между участниками. Это означает возможность использования теории ритуалов интеракции как для изучения уже состоявшихся восстановительных конференций, так и для прогнозирования и моделирования предстоящих.

Применительно к анализу аукционов использовала теорию ритуалов интеракций профессор социологии Университета Плимута Марта Херреро. В статье «Аукционы, ритуалы и эмоции на рынке искусства» она показывает, что аукционные торги являются интенсивными ритуалами интеракций, которые могут исследоваться по формальной схеме Р. Коллинза. В любом аукционе можно обнаружить находящиеся в одном помещении людей (причем в помещении отсутствуют часы, а окна закрыты занавесками¹), внимание которых сконцентрировано на объекте торгов. Однако разнообразие объектов торгов, соревновательность процедуры ставят под вопрос возможность

¹ Это позволяет отделить происходящее от повседневных взаимодействий, то есть речь идет о границах взаимодействия.

возникновения важного для ритуала интеракции общего эмоционального состояния участников взаимодействия. Как показывает М. Херреро, проблема общего эмоционального состояния решается благодаря организации национальных торгов. Автор анализирует «ирландские торги» в Англии, на которых продаются ирландские предметы искусства. Именно национальная специфика торгов позволяет состояться эффективному ритуалу интеракций, поскольку наличие общего культурного капитала (ирландская идентичность участников торгов) позволяет возникнуть общему эмоциональному состоянию, отсутствующему в обычных торгах. Тот факт, что такие аукционы являются интенсивными ритуалами интеракций, подтверждают взятые автором интервью у участников «ирландских торгов», отмечающих наличие чувства общности и разделяемого всеми положительного эмоционального состояния [54].

Следует отметить, что в русскоязычной рецензии Н. Комаровой на данную статью идеи М. Херреро странным образом приписываются Р. Коллинзу. Н. Комарова утверждает, что «теория Коллинза основывается на достаточно спорном тезисе о предпосылке существования чувства общности (group membership) среди участников аукциона» [15, С. 80], тогда как Р. Коллинз не высказывал таких идей (и вообще не занимался исследованиями аукционов), а М. Херреро, напротив, указывает на отсутствие изначального чувства общности в обычном аукционе как препятствие для эффективного ритуала интеракции (которое преодолевается за счет наличия общего культурного капитала в национальных аукционах) [54, Р. 102]. Такого рода небрежности в толковании теории Р. Коллинза и основанных на ней эмпирических исследований, безусловно, не способствуют пониманию и использованию ресурсов данной исследовательской традиции в российском социологическом сообществе.

Профессор социологии Уортонской школы Пенсильванского университета Нэнси Ротбард с соавторами в 2010 году провела исследование, в котором целью было установление степени зависимости между, с одной стороны, настроением перед рабочим днем, опытом в течение рабочего дня

(независимые переменные) и, с другой стороны, качеством и производительностью работников (зависимые переменные). Отобранные для исследования 29 сотрудников двух колл-центров на протяжении трех недель заполняли анкеты перед началом работы и два раза в течение рабочего дня непосредственно после обработки звонков клиентов в колл-центр. В анкетах требовалось оценить собственное эмоциональное состояние и состояние клиента. Данные об эмоциональных состояниях сопоставлялись с данными о продуктивности и качестве выполняемой работы. По результатам исследования была выявлено, что положительное эмоциональное состояние в начале рабочего дня обуславливает склонность работника к положительному восприятию эмоционального состояния партнеров по взаимодействию (клиентов), положительному самочувствию после рабочих событий (звонков клиентов), а также увеличивает продуктивность и качество работы сотрудников. И наоборот, отрицательное эмоциональное состояние в начале рабочего дня приводит к негативному восприятию партнеров по взаимодействию, рабочих событий и отрицательно сказывается на продуктивности и качестве работы сотрудников [62].

Данное исследование показало тесную связь между эмоциональным состоянием и характером взаимодействий. Видимо, именно эта ставшая очевидной взаимосвязь стала причиной обращения Н. Ротбард к теории ритуалов интеракций, в которой взаимосвязь эмоционального состояния и характера взаимодействий положена в основание всех прочих теоретических построений.

В 2013 году Н. Ротбард проводит исследование рабочего процесса в коллективах двух проектов (Shield и Gateway) компании Fortune 500 (TechCo), занимающейся разработкой программного обеспечения. В данном исследовании с позиций теории ритуалов интеракций сравнивались стили взаимодействия, характерные для коллективов двух проектов компании. В качестве методов использовались наблюдение и интервью. Было установлено, что в проекте Shield разработчики чаще взаимодействуют, обсуждая рабочие

вопросы, делятся знаниями и предлагают собственные решения в неформальном взаимодействии, тогда как в Gateway разработчики склонны решать рабочие задачи в одиночку, встречаясь с коллегами лишь на формальных общих собраниях, где до них доводится в директивном порядке информация и распределяются задания. Субъективно разработчики проекта Gateway воспринимали редкость взаимодействий с коллегами как недостаток рабочего процесса, а разработчики Shield отмечали наличие частых солидарных взаимодействий с коллегами как явное преимущество своего проекта. В обоих коллективах при наблюдении взаимодействий и при проведении интервью фиксировались такие характеристики, как сосредоточенность на общем объекте внимания при взаимодействии, общее эмоциональное состояние, групповые границы и, как результат, изменение эмоционального состояния участников взаимодействий. Частые и солидарные взаимодействия в Shield, соответствующие условиям эффективного ритуала интеракции, обеспечили успешность проекта, в котором высокомотивированные сотрудники выполнили все поставленные перед проектом цели. Проект Gateway, в котором сотрудники чувствовали отчуждение, был закрыт, так и не достигнув поставленных целей [57, Р. 460-473].

Таким образом, даже в коллективах разработчиков программного обеспечения, ориентированных на взаимодействие с техникой и часто характеризуемых как «интроверты», рабочие взаимодействия, в которых поддерживается общее эмоциональное состояние и общий фокус внимания, способствуют «энергизации, а не энергетическому истощению людей в группах» [57, Р. 472]. Частота и характер взаимодействий на рабочем месте влияют на эффективность процесса решения рабочих задач. Неформальные взаимодействия, в которых индивиды поддерживают общий фокус внимания (сосредоточение внимания на общем объекте или общих действиях при одновременном осознании каждым индивидом того факта, что внимание других участников взаимодействия имеет ту же направленность) и общее эмоциональное состояние, увеличивают вовлеченность каждого работника в

рабочий процесс, тогда как вынужденные формальные взаимодействия снижают рабочий потенциал работника.

Понятие эмоциональной энергии критиковалось как избыточное. По мнению Майкла Швальбе (Michael Schwalbe), не имеет смысла вводить новое понятие, если уже существует понятие самоэффективности (self-efficacy), которое означает веру индивида в собственные возможности, определяющую поведение [63, Р. 211-212]. Р. Коллинз, отвечая на критику, подчеркивает, что его концепция социального действия основана на динамике ситуаций, а не на индивиде и его «концепции Я» [34, Р. 215]. Индивидуальное поведение и представление индивида о самом себе определяются той траекторией цепочек ритуалов интеракций, в которых участвовал индивид.

Р. Коллинз использует понятие «эмоциональная энергия» не для точной характеристики эмоционального состояния физически присутствующих индивидов, но, скорее, для указания на *источник и потенциал социального действия*. Эмоциональная энергия – это устойчивое эмоциональное состояние, социально значимым референтом которого является высокий потенциал социального действия; этот потенциал может осознаваться индивидом как эмоциональный процесс, при этом для объяснения этих внутренних состояний индивидом могут использоваться как термины научной психологии, так и понятия, составляющие словарь обыденной психологии.

Уточнение понятия основано на том значении, которое оно имеет в теории ритуалов интеракций. Хотя это значение и не выражается эксплицитно в предлагаемом автором определении, мы обнаруживаем возможности для прояснения понятия эмоциональной энергии в исключительно социологистском (при этом понимая социологизм как способ мышления, редуцирующий иные дисциплинарные объяснительные модели к социологическим) контексте его употребления. Следующие высказывания Р. Коллинза дополняют его базовую дефиницию термина «эмоциональная энергия»: «Теория ритуалов интеракций предоставляет теорию индивидуальной мотивации от одной ситуации к другой. Эмоциональная энергия – это то, что

люди ищут; ситуации привлекательны или непривлекательны для них в той степени, в которой ритуал интеракции успешен в поддержании эмоциональной энергии» [32, Р. 44], «высокая эмоциональная энергия является чувством уверенности и энтузиазма в отношении социального взаимодействия» [32, Р. 108].

Уровень эмоциональной энергии – переменная, содержание которой доступно сознанию индивида. Это свойство эмоциональной энергии отображается в определении Р. Коллинза, когда он определяет её как континуум:

- 1) в начале которого располагается уверенность, инициатива и энтузиазм;
- 2) в середине – спокойное повседневное состояние;
- 3) в конце – депрессия, утрата инициативы.

Следовательно, эмоциональная энергия – не только теоретическое понятие, она может быть операционализована через самоотчеты индивидов об их переживаниях до, во время и после различных интересующих исследователя ритуалов интеракций [32, Р. 134]. Эти отчеты могут быть письменными (дневник, анкета) либо устными (интервью).

Уровень эмоциональной энергии имеет также телесные проявления, следовательно, это понятие может быть операционализовано посредством процедур наблюдения. Люди с высокой эмоциональной энергией имеют прямую осанку, их движения согласованы, уверены, они задают ритм для других участников ритуалов интеракций. Низкая эмоциональная энергия, наоборот, приводит к неуклюжести движений, неуверенности, скованности [32, Р. 135]¹.

На основании проведенного исследования основных постулатов и концептов теории ритуалов интеракций Р. Коллинза можно установить

¹ Можно предположить, что такие понятия, как «уверенность движений» или «скованность движений» не могут быть надежными эмпирическими индикаторами (их содержание обусловлено субъективными представлениями наблюдателя об «уверенности» и «скованности»), поэтому в главе 2 данной работы будет представлен более объективный способ фиксации телесных проявлений эмоциональной энергии участников ритуалов интеракций.

внутреннюю непротиворечивость данной теории. Также следует отметить, что валидность теории ритуалов интеракций Р. Коллинза подтверждается множеством эмпирических исследований.

2 Оценка непротиворечивости теории ритуалов интеракций

Р. Коллинза через эмпирическое исследование сплетни как механизма производства солидарности в малых группах

2.1 Проблема сплетни: основные подходы и их ограничения

Теоретическое осмысление феномена сплетни как устойчивой повседневной практики начинается в 1960-х гг. Общераспространенным является понимание сплетни как *оценочного разговора об отсутствующих индивидах* [6, С. 122; 40, Р. 576-578; 45, Р. 83; 53, Р. 36]. При этом многие исследователи не дают строгой дефиниции понятию «сплетня», но употребляют его в том контексте, который позволяет однозначно интерпретировать это понятие как оценочный разговор об отсутствующих индивидах. Несмотря на то, что некоторые исследователи полагают возможным считать сплетней не только негативную оценочную коммуникацию, но и позитивную (положительное оценивание того, о ком идет речь) [40], мы будем придерживаться в своем исследовании такого определения сплетни, которое предполагает только негативную оценочную коммуникацию.

Существует два основных, на наш взгляд, подхода к пониманию сплетни: *информационный* и *функционалистский*. Основоположником информационного подхода является канадский социолог Роберт Пейн, полагающий, что сплетня является инструментом распространения и получения непубличной информации внутри групп. Сплетничая, индивиды получают доступ к непубличной информации о других членах группы. Кроме того, тот, кто распространяет непубличную информацию, получает возможность делать это анонимно. Автор идеи признает, что такое понимание сплетни не позволяет судить о групповых эффектах сплетничания (интеграция или дезинтергация группы), но высказывает уверенность в том, что сплетничество является катализатором групповых процессов, какими бы они ни были [58].

Теория социального сравнения несколько расширяет информационную концепцию сплетни. Американский психолог Леон Фестингер постулирует наличие у каждого индивида необходимости в сравнении своих способностей и

мнений со способностями и мнениями других людей для формирования самооценки. Сравнение может производиться как при наличии объективного стандарта (так, время может использоваться в качестве стандарта для сравнения способности быстро бегать), так и в его отсутствие (индивид может достаточно просто оценить свои умственные способности, сравнив их со способностями других в процессе взаимодействия). Индивиды склонны производить сравнение с теми, чьи мнения и способности близки к их собственным.

Американский психолог Джерри Салс отмечает необходимость использования сплетен, чтобы такое сравнение происходило эффективно. Не всякая информация доступна через прямое вопрошание и наблюдение объекта сравнения. Сплетничество предоставляет комфортный доступ к важной для процессов сравнения информации [64]. Однако при всей убедительности информационной концепции сплетни, остается неясным её социологическое значение – хотя она объясняет индивидуальную заинтересованность в сплетничании, вопрос о влиянии (конструктивном или деструктивном) этого процесса на социальные отношения остается открытым.

Функционалистский подход представлен в работах Макса Глакмена и Роя Баумейстера. Аргумент М. Глакмена выражен в следующем высказывании: «Ценности группы открыто утверждаются в сплетнях и злословии, поскольку мужчина или женщина всегда останавливаются [другими членами группы], как только им не удастся жить в соответствии с этими ценностями» [46, Р. 313]. Сплетни напоминают членам группы об актуальных ценностях, связанных с ними нормами и соответствующими санкциями за отступление от них.

Почти аналогичной является концепция Р. Баумейстера, представляющего сплетню как инструмент культурного научения, «средство передачи информации о правилах, нормах и других инструкциях для жизни в данной культуре» [31, Р. 113]. Эта концепция не объясняет индивидуальную мотивацию сплетничания, обозначая лишь возможную функцию культурного научения, которую выполняет данный вид взаимодействия. Если для М. Глакмена сплетня – это способ напомнить девиантам о действующих нормах

и ценностях, то для Р. Баумейстера – способ обучения нормам тех, кто не знал о них.

Но эта объяснительная модель игнорирует самих сплетничающих субъектов, потому что вопрос об их мотивации заводит функционалистскую логику в тупик: если никто из информантов не говорит о социальном контроле, то зачем они сплетничают, учитывая, что сам процесс сплетничания является предосудительным поступком? Какова мотивация сплетничающего субъекта, не осознающего контролирующей функции сплетничания на макро-уровне, но осведомленного об опасности подвергнуться осуждению за осуществление этого действия? Следует учитывать то обстоятельство, что сплетничание, как взаимодействие лицом-к-лицу, является феноменом порядка интеракции¹. Следовательно, объяснение сплетни не может быть дано исключительно с точки зрения её групповых эффектов.

Перформанс-центрированный подход фольклориста Роджера Абрахамса лишь частично отвечает на вопрос о мотивации: сплетня является «разговорным жанром». Это способ самовыражения, позволяющий поддерживать свой образ в сообществе и оказывать целенаправленное влияние на того, кто упоминается в сплетне.

Р. Абрахамс выделяет правила сплетничания, нарушение которых осуждается и приводит к нарушению взаимности во взаимодействии:

- 1) нельзя говорить плохо о членах семьи или очень близких друзьях;
- 2) сплетня должна быть встроена в более широкий контекст взаимодействия и выглядеть спонтанной, не допускается намеренная инициация взаимодействия только ради сплетни;

¹ Термин «порядок интеракции» употребляется здесь в том смысле, который в него вкладывал его создатель, Ирвинг Гофман, то есть как специфическая область человеческой деятельности, протекающей во взаимодействии лицом-к-лицу, в которой действуют специфические закономерности, нетождественные закономерностям макро-порядка (порядка дюркгеймовской социальной реальности *sui generis*).

3) сплетня не должна передаваться в слишком возбужденном, высокоэмоциональном состоянии, так как сплетничающий субъект может быть заподозрен в злонамеренной клевете;

4) сплетничество должно происходить в небольших группах, в которые не включены ни те, о ком говорят, ни те, кто могут ему передать то, о чем говорилось [30, Р. 297-300].

Однако этот подход кажется крайне сомнительным, учитывая отсутствие каких-либо данных о престижности сплетничания и наличие множества обозначенных самим Р. Абрахамсом ограничений этого «жанра».

Эффект рекурсивного трансфера установок (Transfer of Attitudes Recursively, далее – TAR), открытый Бертрамом Гавронски и Евой Вальтер, имеет непосредственное отношение к процессу сплетничания. TAR – это эффект формирования установок в отношении оценивающего индивида (других индивидов, групп), соответствующих характеру данной оценки. Те, кто дает другим людям положительные (отрицательные) оценки, сам оценивается положительно (отрицательно).

Дизайн эксперимента, в котором был выявлен эффект TAR, выглядел следующим образом. Для участия в эксперименте были отобраны 39 человек. Испытуемых посадили перед монитором компьютера и попросили представить, что они приняты на работу в новой компании, где у них нет знакомых, поэтому они должны составить некоторое мнение о новых коллегах. Сначала испытуемым показали на экране монитора фотографии людей (по легенде эксперимента – их новых коллег) с краткой личностной характеристикой, имеющий позитивный, негативный либо нейтральный характер. Затем испытуемым были предъявлены серии пар фотографий, где слева были изображены те индивиды, информация о которых была дана на первой стадии эксперимента и которые выступали в роли источников оценки тех индивидов, фотографии которых расположены справа (условно их назвали «источники» и «цели» соответственно). Кроме пар фотографий на мониторе появлялось текстовое сообщение с указанием отношения «источников» к «целям» в

терминах «нравится/не нравится». После этого испытуемых просили оценить свое отношение к «источнику». Было установлено, что оценки испытуемыми «источников» соответствуют оценкам, которые «источники» дают «целям»: «источники», относящиеся негативно к «целям», оценивались испытуемыми негативно; «источники», относящиеся позитивно к «целям», оценивались испытуемыми позитивно. Кроме того, эти оценки не зависели от того, что испытуемым было известно об «источниках» заранее.

Во втором эксперименте, в котором приняли участие 62 студента, эффект TAR подтвердился, но было выявлено влияние предшествующей информации об оцениваемых: «источник» оценивается тем более позитивно, чем больше его оценка соответствует предшествующему знанию испытуемого о цели оценки. Таким образом, личностные оценки должны быть консистентны имеющейся у наблюдателей информации об оцениваемых [45, P. 1278-1282].

Эффект TAR значительно проясняет взаимосвязь между вынесением оценочных суждений и репутацией. Упрощенность экспериментальной ситуации компенсируется контролируемостью её параметров, однако существенным препятствием для распространения выводов Б. Гавронски и Е. Вальтер на проблематику сплетничания является тот факт, что испытуемые не были знакомы и никогда не взаимодействовали с теми людьми, которым они давали оценки.

Профессор университета Балтимора Салли Фарли провела экспериментальную проверку эффекта TAR в более близких к реальным межличностным отношениям условиях, добавив фактор личного знакомства испытуемых с теми, кого они должны оценивать. В эксперименте приняли участие 128 студентов университета Балтимора и Олбрайт-Колледж. Испытуемых просили подумать о людях, соответствующих определенным утверждениям (независимые переменные), и затем дать им оценку по шкале способности располагать к себе и влиятельности (зависимые переменные). Независимыми переменными были пол, частота сплетничания и валентность передаваемой информации. Значения переменных были заданы следующими

утверждениями: «подумайте о мужчине»/«подумайте о женщине», «тратящем(-ей) много времени на обсуждение других людей, когда их нет рядом»/«тратящем(-ей) мало времени на обсуждение других людей, когда их нет рядом», «говоря что-то негативное о других»/«говоря что-то позитивное о других». Установлено, что независимо от пола тех людей, о которых думали испытуемые, наиболее влиятельными и способными располагать к себе («likeability») оцениваются те, кто сплетничает редко; среди тех, кто сплетничает часто, более влиятельными и способными располагать к себе оказались те, кто сплетничает с позитивной валентностью [40, P. 576-578].

Исследование подтвердило эффект TAR применительно к сплетням: индивиды, которые сплетничают часто и с негативной валентностью, будут отрицательно восприниматься в малых группах. Следовательно, гипотеза Р. Абрахамса о сплетничании как способе самовыражения опровергнута. Неверным оказалось также представление о сплетне как сознательно используемом инструменте контроля, поскольку частое сплетничание снижает влиятельность индивида. Неопровергнутым оказался лишь тезис М. Глакмена об актуализирующей функции сплетен, заключающейся в артикуляции и подтверждении ценностей и норм группы. Эти исследования, опровергнув ключевые гипотезы, объясняющие индивидуальное поведение сплетников, ставят перед исследователями проблему разрешения противоречия: сплетничание имеет позитивные функции во внутригрупповых отношениях, но сами сплетники несут репутационные потери в группе. Что же тогда заставляет людей сплетничать? Следует также обратить внимание на тот немаловажный факт, что в исследованиях Б. Гавронски, Е. Вальтер и С. Фарли экспериментальная ситуация исключает непосредственное взаимодействие лицом-к-лицу.

Таким образом, информационный и функционалистский подходы находятся в отношении «симметричной недостаточности»: информационные концепции объясняют индивидуальное поведение, но ничего не могут сказать о воздействии сплетничания на группу; функционалистские концепции

устанавливают функции сплетен в группе, но не объясняют причин, побуждающих отдельных индивидов к сплетничанию.

Теория реалов интеракций, как мы полагаем, должна разрешить эти противоречия. Действительно, сплетни сплачивают сообщество (производят солидарность), но не благодаря артикуляции норм и санкционированию, а благодаря внутренней динамике этого вида взаимодействия. Этой же динамикой объясняется и мотивация сплетничающих субъектов: повышение эмоциональной энергии за счет участия в эффективном ритуале интеракции.

2.2 Концептуальные возможности теории ритуалов интеракций Р.

Коллинза в исследовании малых групп: на примере сплетен с использованием спектрального анализа аудиозаписей

В терминах теории ритуалов интеракций сплетня может быть концептуализирована как ритуал интеракции второго порядка (ритуал интеракции, общим объектом внимания участников которого являются аспекты предыдущих ритуалов интеракций). Существенным является то обстоятельство, что в сплетне устанавливаются более жесткие границы взаимодействия, чем при разговоре на нейтральные темы. Само определение сплетни как личностно-оценочного разговора о неприсутствующих индивидах предполагает, что границы такого взаимодействия исключают того, о ком идет разговор (возможны и более широкие границы). Кроме того, сплетня всегда предполагает наличие выраженного эмоционального отношения к тому, о чем идет речь (поступки или качества других индивидов). Сплетня в большей степени соответствует условиям (осознание границ и общее эмоциональное состояние) эффективного ритуала интеракций, чем безоценочный разговор.

Исходя из вышесказанного, мы выдвигаем **гипотезу**: сплетня является эффективным ритуалом интеракции, производящем больше эмоциональной энергии и солидарности, чем личностно-безоценочный разговор. Для проверки этой гипотезы мы полагаемся на постулат об индикативном характере синхронии. Уровень достигнутой синхронии является индикатором выраженности начальных условий (переменных) ритуала интеракции и предопределяет выраженность результирующих переменных (солидарность, эмоциональная энергия, моральное чувство, приверженность общим символам). Измеряя степень достигнутой синхронии, мы можем судить о солидарности взаимодействия и его способности повышать эмоциональную энергию участников. Таким образом, для проверки нашей гипотезы необходимо сравнить степень синхронии, достигаемой участниками взаимодействия во время сплетничания, с этим же показателем во время безоценочного разговора.

Метод исследования: линейный эксперимент, при котором изучаемые характеристики объекта фиксируются до и после воздействия экспериментального фактора без привлечения контрольной группы [7, С. 150]. Выбор данного вида эксперимента обусловлен задачами исследования: поскольку зависимой переменной является уровень речевой синхронии, которая зависит от индивидуальных вокальных характеристик каждого индивида, *изменение этой переменной целесообразно фиксировать в разговоре с одним и тем же индивидом в разных условиях*. Разница между степенью достигнутой речевой синхронии в разговорах разных индивидов может быть обусловлена *индивидуальными вокальными характеристиками*. В эксперименте приняли участие 11 студентов Оренбургского государственного университета, обучающихся на факультете гуманитарных и социальных наук по направлению бакалавриата «Социология». Изначально 6 участников были отобраны среди студентов 3 курса по следующему принципу: группа студентов 3 курса прошла МСА (модульный социотест Анцупова), по результатам которого были отобраны 2 человека с наилучшими позициями (репутацией) в группе, 2 человека – с наихудшими, и ещё 2 – со средними показателями. Анализ результатов эксперимента показал, что позиция студента в группе не влияет на зависимую переменную (степень синхронии, достигаемой в разных режимах взаимодействия). Исходя из нерелевантности такого критерия отбора, как положение студента в группе, дальнейший отбор участников производился по принципу доступности (конформная выборка). Таким образом было отобрано ещё 2 студента с третьего и 3 с первого курсов (с того же факультета, все проходят обучение по направлению бакалавриата «Социология»). Вводить специальные критерии отбора испытуемых представляется нецелесообразным ввиду предполагаемой универсальности изучаемого социально-психологического феномена (различия в достигаемой синхронии в разных режимах взаимодействия).

С каждым испытуемым было проведено полуструктурированное интервью. Гайд интервью (см. Приложение А) включал как личностно-

нейтральные темы, так и личностно-оценочные темы. Таким образом, каждое интервью включало фрагменты оценочного и безоценочного разговора (см. Приложение В).

Для исключения возможного сознательного влияния испытуемых на результат эксперимента (избегание оценочной коммуникации) участникам не сообщалась подлинная информация о цели и задачах эксперимента. Участникам сообщалось, что с ними будет проведено интервью для выяснения характера внутригрупповых отношений, в то время как целью экспериментатора было спровоцировать оценочный разговор о членах студенческой группы, в которую входит испытуемый, и личностно нейтральный разговор для последующего сравнения.

Таким образом, **независимой переменной** линейного эксперимента в данной работе является режим разговора. Эта переменная может принимать два значения – *сплетня* и *личностно-безоценочный разговор*. **Зависимой переменной** является *степень достигнутой речевой синхронии*.

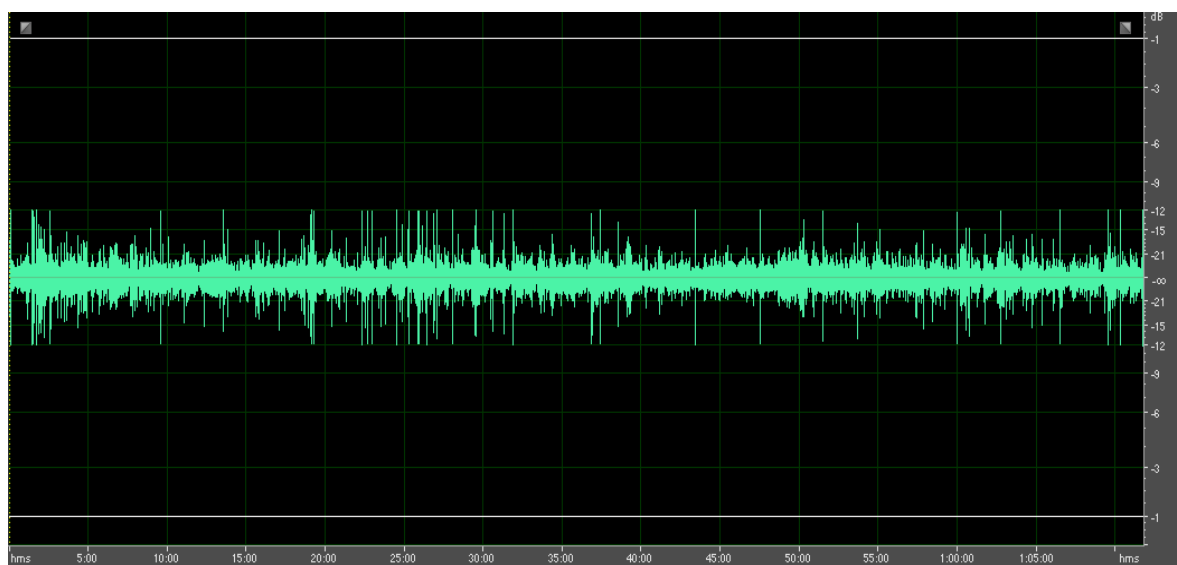
При анализе данных использовался метод *спектрального анализа аудиозаписей* интервью, впервые примененный для анализа уровня речевой синхронии профессором социологии Кентского университета Стэнфордом Грегори. Однако если С. Грегори измерял общий уровень достигнутой в разговоре синхронии, мы применяем его метод для обнаружения различий в степени достигнутой синхронии в разных фрагментах одного и того же интервью.

Все процедуры аудиоанализа выполнялись в программе Adobe Audition 3.0. Исходная форма представления данных в большинстве аудиоредакторов – динамический спектр¹ (см. Изображение 1). В каждой из 11 аудиозаписей проведенных интервью были выделены отдельные фрагменты, подлежащие дальнейшему анализу (см. Изображение 2). Длина фрагмента определялась по критерию смысловой целостности диалога – фрагмент считается длящимся до тех пор, пока не произошла смена темы разговора. В каждой аудиозаписи

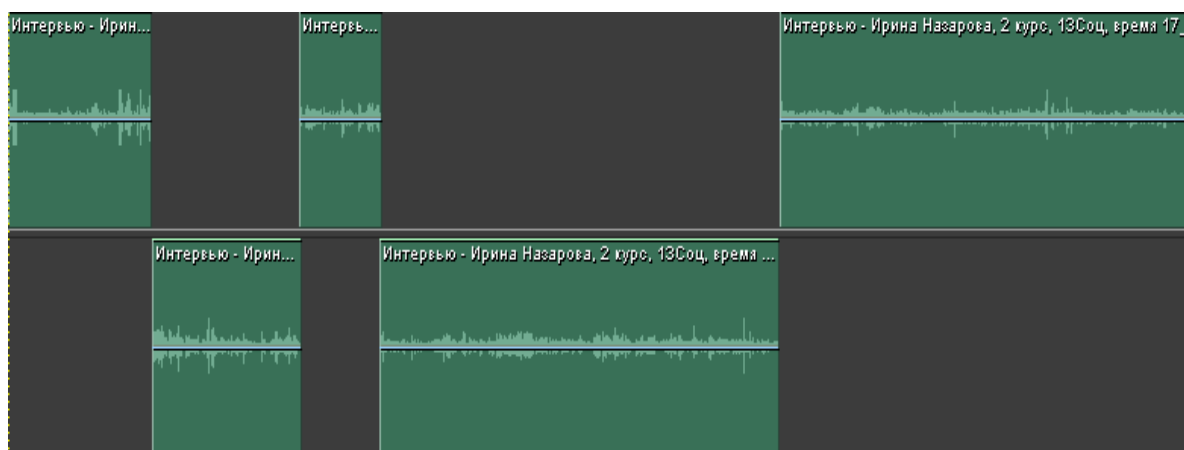
¹ Совокупность зависимых от времени значений амплитуды аудиосигнала.

выделялось два фрагмента – разговор на любую тему, не предполагающий личностных оценок (нейтральный фрагмент), и разговор, конституированный личностными суждениями о неприсутствующих индивидах (сплетня). Каждый фрагмент был разделен на две аудиодорожки, одна из которых включает только реплики интервьюера, а другая только реплики респондента (см. Изображение 3).

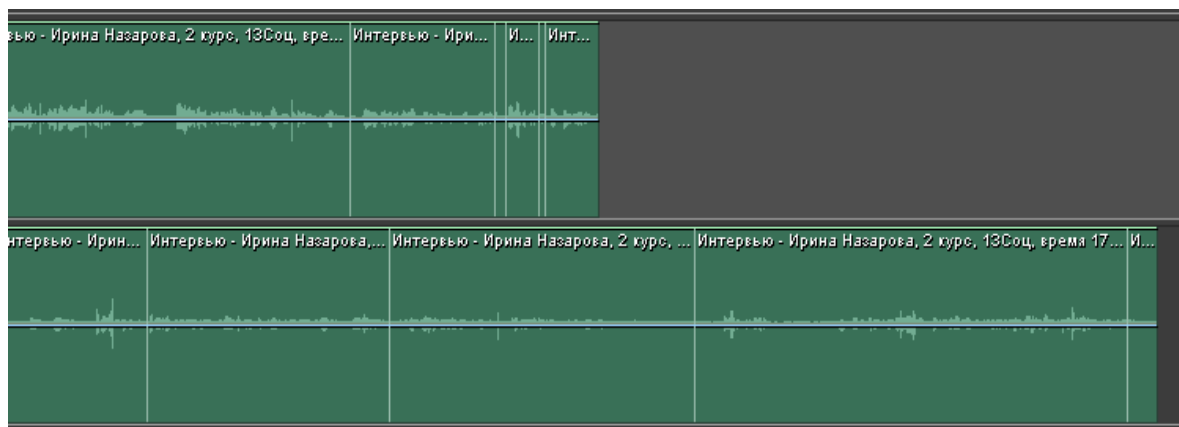
Изображение 1 – Динамический спектр (горизонтальная ось отражает длительность аудиозаписи, вертикальная – значение амплитуды аудиосигнала)

Изображение 2 – Выделение двух фрагментов аудиозаписи (выделенные из основной аудиозаписи фрагменты находятся внизу изображения).

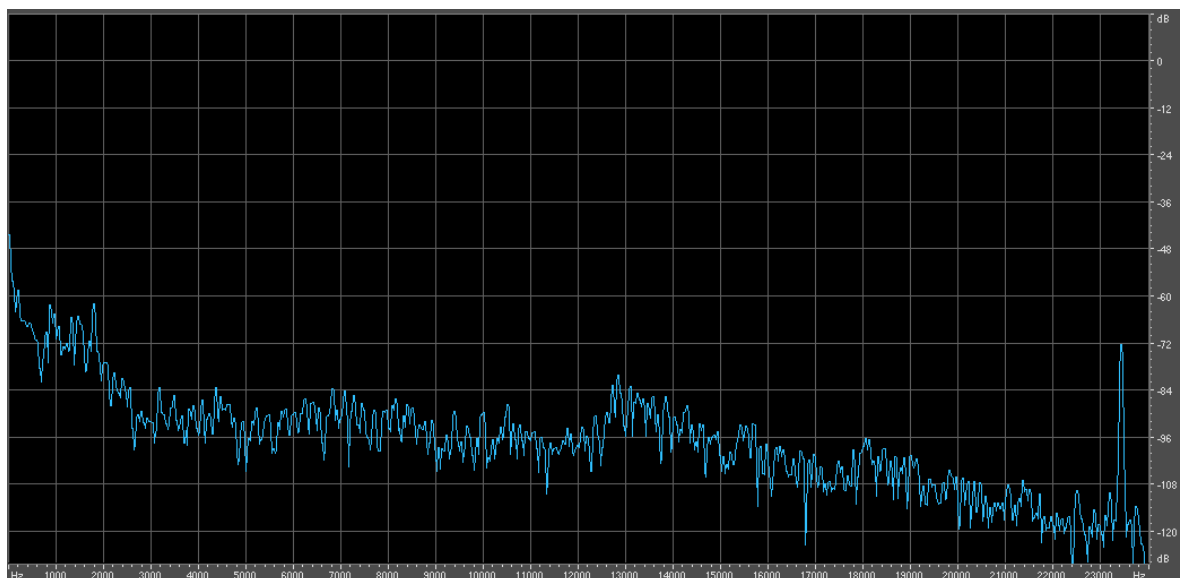
Изображение 3 – Разделение фрагмента на две аудиодорожки (сверху – реплики интервьюера, снизу – реплики респондента).

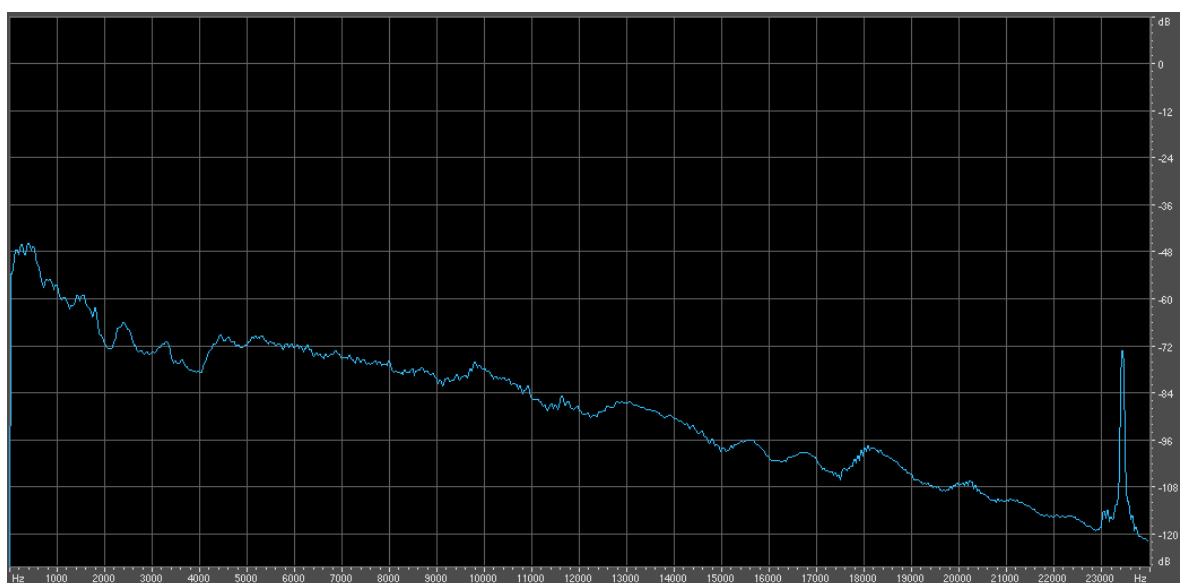
Динамический спектр был преобразован в частотный спектр (совокупность зависимых от частоты значений амплитуды аудиосигнала) с помощью Быстрого преобразования Фурье (БПФ)¹. Чтобы получить частотный спектр длительных фрагментов, а не отдельных отсчетов (sample) в нем, используется усредненный на длинном интервале спектр (long-term averaged spectrum, LTAS). LTAS позволяет получить усредненные значения амплитуд на разных частотах для всего интересующего нас фрагмента аудиозаписи, а не отдельных моментов в нем. Усреднение амплитуд устраняет случайные всплески громкости произношения и посторонние шумы. LTAS в Adobe Audition 3.0 можно получить автоматически с помощью функции «Scan selection» (см. Изображения 4 и 5).

¹ Процедура БПФ выполнена автоматически в Adobe Audition 3.0 с помощью функции «Frequency Analysis». БПФ позволяет получить значение амплитуд аудиосигнала на разных частотах на крайне малом участке аудиозаписи (менее десятой доли секунды, точное значение определяется частотой дискретизации).

Изображение 4 – Частотный спектр фрагмента, полученный методом БПФ

Изображение 5 – Усредненный частотный спектр фрагмента (LTAS)

Получив таким образом значения амплитуд для множества частот каждой аудиодорожки¹ каждого выделенного фрагмента аудиозаписи, мы оценили степень корреляции с помощью коэффициента Пирсона между множеством значений амплитуд на одних и тех же частотах для каждой пары аудиодорожек

¹ Массив данных в текстовой форме получен в Adobe Audition 3.0 с помощью функции «Copy to Clipboard», копирующей текстовые данные в буфер обмена, из которого они затем были перенесены в таблицу Microsoft Excel для последующего анализа.

(для интервьюера и респондента) в каждом выделенном фрагменте (нейтральный и сплетня). Массив полученных для одного фрагмента данных представлен на Изображении 6. Как видно на Изображении 6, значения частот для аудиодорожек с репликами интервьюера и респондента идентичны, что делает возможным оценку коэффициента корреляции Пирсона для двух рядов значений амплитуд на одних и тех же частотах.

Изображение 6 – Значения частот и соответствующих им амплитуд аудиосигнала, перенесенные в табличный редактор Microsoft Excel для последующего расчета коэффициента корреляции Пирсона (фрагмент данных)¹.

	A	B	C	D	E
1					
2	Интервьюер		Респондент		
3	Частоты	Значения амплитуды	Частоты	Значения амплитуды	
4	23,437000000	53,681648254	23,437000000	48,724300384	
5	46,875000000	54,358329773	46,875000000	48,260417938	
6	70,312000000	52,148208618	70,312000000	47,848438263	
7	93,750000000	49,906112671	93,750000000	50,182762146	
8	117,187000000	47,679122925	117,187000000	52,586227417	
9	140,625000000	47,715194702	140,625000000	53,531494141	
10	164,062000000	48,954227447	164,062000000	53,347110748	
11	187,500000000	49,307800293	187,500000000	52,399204254	
12	210,937000000	47,276611328	210,937000000	49,505527496	
13	234,375000000	46,171337128	234,375000000	48,379268646	
14	257,812000000	47,667583466	257,812000000	50,094959259	
15	281,250000000	48,807533264	281,250000000	53,767639160	
16	304,687000000	48,954223633	304,687000000	56,216201782	
17	328,125000000	48,788513184	328,125000000	58,192634582	
18	351,562000000	47,002429962	351,562000000	58,650394440	
19	375,000000000	46,162261963	375,000000000	57,995685577	
20	398,437000000	47,008274078	398,437000000	55,741756439	
21	421,875000000	48,355968475	421,875000000	52,817749023	
22	445,312000000	47,907024384	445,312000000	51,527721405	
23	468,750000000	46,829357147	468,750000000	51,438472748	
24	492,187000000	47,329486847	492,187000000	52,404483795	
25	515,625000000	49,863285065	515,625000000	53,637432098	
26	539,062000000	51,429294586	539,062000000	54,403472900	
27	562,500000000	51,453529358	562,500000000	56,728710175	

¹ Полный массив данных, отражающий амплитудно-частотные характеристики говорящих, составляет более 1000 строк числовой информации.

Коэффициент корреляции в данном случае – оперант достигнутой синхронии. Те фрагменты разговора, где коэффициент корреляции между голосом интервьюера и респондента на аудиозаписи больше, являются более солидарными и в большей степени повышающими эмоциональную энергию, чем те фрагменты, где корреляция (оперант синхронии) ниже. Это последнее утверждение прямо следует из теории ритуалов интеракций. Соответственно, конечной целью применения спектрального анализа аудиозаписей в данном исследовании является установление различий в степени солидарности, достигаемой при личностно-оценочном (сплетня) и безоценочном разговоре.

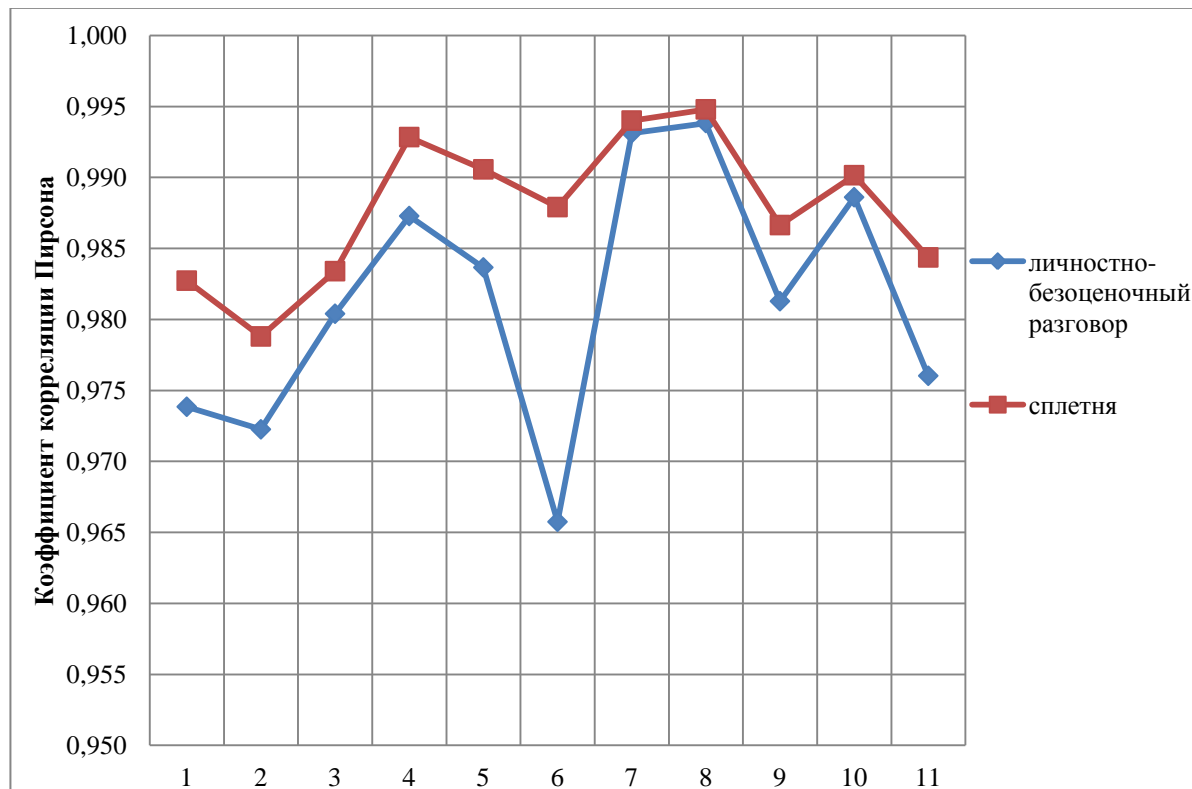
В итоге были получены следующие результаты. Во всех 11 интервью коммуникация в режиме сплетни провоцировала достижение большей степени синхронии, чем «нейтральный» разговор, в котором отсутствуют личностные оценки. Значения достигнутой речевой синхронии, операционализированной через коэффициент корреляции Пирсона между амплитудно-частотными характеристиками голоса собеседников, представлены в Таблице 1 и на Изображении 7.

Таблица 1 – Значения коэффициента корреляции Пирсона между амплитудно-частотными характеристиками голоса интервьюера и респондента во время безоценочного разговора и сплетни

Респондент, №	Коэффициент корреляции Пирсона	
	Фрагмент безоценочного разговора	Фрагмент личностно-оценочного разговора (сплетни)
1	0,9738421548	0,9827250237
2	0,9722537624	0,9787941894
3	0,9803932454	0,9833926259
4	0,987275541	0,992835769

Респондент, №	Коэффициент корреляции Пирсона	
	Фрагмент безоценочного разговора	Фрагмент лично- оценочного разговора (сплетни)
5	0,983656172	0,990563344
6	0,965740372	0,987906137
7	0,993113098	0,993998705
8	0,993827588	0,994789981
9	0,981277242	0,986639911
10	0,988599825	0,990151338
11	0,976022959	0,98435978

Изображение 7 – Уровень достигнутой речевой синхронии во время сплетни и лично-безоценочного разговора

Этот результат полностью согласуется с теорией ритуалов интеракций Р. Коллинза. Согласно аналитической схеме ритуала интеракции, уровень синхронии тем выше, чем более выражены начальные условия (переменные) ритуала интеракции. Осознание границ взаимодействия и общность эмоциональных состояний взаимодействующих, являющиеся двумя из четырех базовых переменных ритуала интеракции¹, более выражены при сплетничании, чем при личностно-безоценочном разговоре, следовательно, согласно теории ритуалов интеракций, при сплетне уровень достигаемой синхронии должен быть выше, чем при личностно-безоценочном разговоре. Именно эту связь нам удалось установить в проведенном эксперименте: *уровень речевой синхронии собеседников оказался выше в тех фрагментах интервью, на которых записан личностно-оценочный разговор (сплетня), чем в тех фрагментах, на которых записан личностно-безоценочный (нейтральный) разговор.*

Эти данные подтверждают достоверность положений теории ритуалов интеракций, но в них не содержится ответа на вопрос о причинах и результатах сплетничания в малых группах. Подлинное объяснение требует установления связей между полученными эмпирическими данными в том порядке, который диктуется положениями теоретической основы эмпирического исследования [16, С. 153].

Такое объяснение возможно в теории ритуалов интеракций Р. Коллинза. Поскольку синхрония в данной теории является индикатором степени выраженности результирующих переменных, мы можем теоретически обоснованно утверждать, что *сплетня повышает уровень эмоциональной энергии взаимодействующих и степень солидарности между ними.* Кроме того, такое объяснение подтверждается установленной ранее другими исследователями связью между синхронией (телесной и речевой) и степенью солидарности [42; 59].

Таким образом, гипотеза о том, что сплетня является эффективным ритуалом интеракции, подтвердилась. Проведенное исследование феномена

¹ Оставшиеся две переменные – физическое соприсутствие и общий объект внимания.

сплетни с помощью метода спектрального анализа аудиозаписей позволило эмпирически установить связь между начальными условиями ритуала интеракции и уровнем достигнутой речевой синхронии между говорящими. Эта связь предсказывается теорией ритуалов интеракций, следовательно, теория является эмпирически непротиворечивой.

Также с помощью теории ритуалов интеракций появляется возможность объяснить феномен сплетни одновременно на групповом (сплетничество является способом производства солидарности) и на индивидуальном (сплетничая, индивид повышает свою эмоциональную энергию) уровне, тогда как информационный и функционалистский подходы к объяснению феномена сплетни ограничивались объяснением лишь одной из сторон феномена (либо коллективной, либо индивидуальной).

Важно отметить эвристичность сочетания спектрального анализа аудиозаписей, позволяющего достичь высокой формализации исследовательских процедур и устранить фактор субъективности, с теорией ритуалов интеракций Р. Коллинза, способной интерпретировать такие данные. Такая формализация, достигнутая с помощью использования спектрального анализа аудиозаписей, существенно расширяет аналитические возможности исследователя, использующего теорию ритуалов интеракций в качестве теоретико-методологической основы.

Заключение

На основе анализа посвященных теории ритуалов интеракций Р. Коллинза работ отечественных и зарубежных исследователей, а также сопоставления полученных в ходе проведенного эксперимента данных с положениями изучаемой теории установлено, что теория ритуалов интеракций обладает достаточными для использования в социологических исследованиях концептуальными возможностями – способностью описывать и объяснять социальные явления и процессы. Анализ теории ритуалов интеракций позволил выявить согласованность всех её категорий и принципов. Внутренних противоречий, ставящих целесообразность применения теории под сомнение, не выявлено. Установлено содержание эмпирического базиса теории – его составляют исследования синхронии во взаимодействии и исследования различных форм взаимодействия в рамках теории ритуалов интеракций Р. Коллинза.

По результатам эмпирического исследования установлена эмпирическая непротиворечивость теории ритуалов интеракций Р. Коллинза. Хотя основной целью эмпирического исследования было сравнение полученных данных с постулатами теории ритуалов интеракций, эксперимент позволил также дать объяснение феномену сплетни. Выявлены две функции сплетни – повышение эмоциональной энергии каждого сплетничающего субъекта и производство солидарности между сплетничающими членами малых групп. Это объяснение учитывает и индивидуальный, и групповой эффект сплетничания и полностью согласовано как с положениями теории ритуалов интеракций, так и с полученными эмпирическими данными. Основные социологические подходы в исследованиях сплетен (информационный и функционалистский) способны без противоречий объяснить лишь один аспект этого феномена – либо индивидуальный, либо групповой. Следовательно, результаты эмпирического исследования сплетен свидетельствуют о высоком объяснительном потенциале теории ритуалов интеракций Р. Коллинза в исследовании малых групп.

Результаты, полученные в данной работе, могут послужить дополнительным аргументом для использования теории ритуалов интеракций Р. Коллинза отечественными социологами, которые пока уделяют ей мало внимания. Также продуктивным может быть использование спектрального анализа аудиозаписей интервью, направленного на обнаружение степени речевой синхронии. Метод спектрального анализа аудиозаписей, широко используемый зарубежными исследователями синхронии во взаимодействии, в сочетании с теорией ритуалов интеракций, учитывающей в своей аналитической схеме синхронию, может существенно расширить возможности социологии. Одним из возможных направлений будущих исследований с применением данного метода в социологии может стать аудит качества интервью с точки зрения эмоциональных последствий взаимодействия интервьюера и респондента.

Список использованных источников

1. Анцупов, А.Я., Ковалев, В.В. Социально-психологическая оценка персонала: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям 062100 «Управление персоналом», 061100 «Менеджмент организации», 020400 «Психология» / А.Я. Анцупов, В.В. Ковалев. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА. – 2006. – 303 с.
2. Вахштайн, В.С. FAQ: эпистемические интервенции [Электронный ресурс] / В.С. Вахштайн // Постнаука. URL: <http://postnauka.ru/faq/27198> (дата обращения: 02.11.2015).
3. Вахштайн, В.С. Салоны и клубы. Ответ Михаилу Соколову / В. Вахштайн // Социология власти. – 2015. – №3. – С. 69-80.
4. Вахштайн, В.С. Событийное строение повседневного мира. Исследование обыденного жеста / В.С. Вахштайн // Социологический журнал. – 2007. – №3. – С. 5-39.
5. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – Санкт-Петербург: Питер. – 2007. – 335 с.
6. Горбатов, Д.С. Сплетничанье как элемент мелкогруппового общения / Д.С. Горбатов // Социологические исследования. – 2009. – №1. – С. 119-127.
7. Горшков, М.К., Шереги, Ф.Э. Прикладная социология: учебное пособие для вузов / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – Москва: Центр социального прогнозирования. – 2003. – 312 с.
8. Гофман, А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник 2012: Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – Москва: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ. – 2013. – С. 97-167.
9. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман // Пер. с англ., под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой;

вступ. Статья Г.С. Батыгина. – Москва: Институт социологии РАН. – 2003. – 752 с.

10. Гофман, И. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / И. Гофман // Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. – Москва: Смысл. – 2009. – 319 с.

11. Деева, М.И. От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций / М.И. Деева // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – №2. – С. 134-154.

12. Доброниченко, Е.В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий / Е.В. Доброниченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – Т. 81. – №6. – С. 7-12.

13. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм // Под ред. А.Б. Гофмана. – Москва: Наука. – 1991. – 576 с.

14. Иншаков, В.В. Сплетня как механизм производства солидарности: спектральный анализ аудиозаписей / В.В. Иншаков // Доклад на XXXVIII научной конференции студентов. Оренбург: ФГБОУ ОГУ. – Апрель, 2016.

15. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений / Р. Коллинз // Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский хронограф. – 2002. – 1280 с.

16. Комарова, Н. Марта Херреро. «Аукционы, ритуалы и эмоции на рынке искусства» / Н. Комарова // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – №1-2. – С. 79-82.

17. Константиновский, Д.Л., Вахштайн, В.С., Куракин, Д.Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации / Д.Л. Константиновский, В.С. Вахштайн, Д.Ю. Куракин. – Москва: ЦСП и М. – 2013. – 224 с.

18. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос // Пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. – Москва: Академический проспект; Трикста. – 2008. – 475 с.
19. Леонтьев, А.Н. Потребности мотивы и эмоции / Психология эмоций. Тексты // Под. ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – Москва: Изд-во Моск. ун-та. – 1984. – С. 162-171.
20. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов / Дж. Г. Мид // Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. – Москва: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии. – 2009. – 290 с.
21. Переселкова, З.Ю., Иншаков, В.В. Социологические основания трудовой мотивации: объяснительная модель теории ритуалов интеракции / З.Ю. Переселкова, В.В. Иншаков // Человек. Сообщество. Управление. – 2016. – №1. – С. 57-72.
22. Поппер, К. Логика и рост научного знания (избранные работы) / К. Поппер // Сост., общ. ред. и вступ. статья д.ф.н. В.Н. Садовского. – Москва: «Прогресс». – 1983. – 605 с.
23. Прозорова, Ю.А. Интерактивный ритуал как социально-коммуникативная технология организации группового взаимодействия: диссертация... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Ю.А. Прозорова. – Санкт-Петербург: 2009. – 261 с.
24. Роулз, Э.У. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент / Э.У. Роулз // Пер. с англ. А.М. Корбута. – Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – №2. – С. 84-140.
25. Соколов, М. Мир Смысла, он же Мир Судьбы и Сожаления: ответ Олегу Хархордину и Виктору Вахштайну / М. Соколов // Социология власти. – 2015. – №3. – С. 81-92.
26. Соколов, М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине / М. Соколов // Социология власти. – 2015. – №3. – С. 13-57.

27. Хамрина, Ю.А. Воспроизводство социального посредством ритуала / Ю.А. Хамрина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №353. – С. 59-62.
28. Хамрина, Ю.А. Способы и пути трансформации ритуалов в современном обществе / Ю.А. Хамрина // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №347. – С. 53-56.
29. Хархордин, О. Социология как доставка, поставка или проставка смысла жизни / О. Хархордин // Социология власти. – 2015. – №3. – С. 58-68.
30. Штейнберг, И., Шанин, Т., Ковалев, Е., Левинсон, А. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон // Под ред. И. Штейнберга. – Санкт-Петербург: «Алетейя». – 2009. – 356 с.
31. Юдин, Г.Б. Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Дюркгейма / Г.Б. Юдин // Социологическое обозрение. – 2013. – Т.12. – №2. – С. 122-132.
32. Abrahams, R. A performance-centred approach to gossip / R. Abrahams // Man. – 1970. – Vol. 5. – №2. – P. 290-301.
33. Baumeister, R.F., Zhang, L., Vohs, K.D. Gossip as cultural learning / R.F. Baumeister, L. Zhang, K.D. Vohs // Review of general psychology. – 2004. – №8. – P. 111-121.
34. Collins, R. Interaction ritual chains / R. Collins. – Princeton: Princeton University Press. – 2004. – 439 p.
35. Collins, R. Violence: A Micro-sociological theory / R. Collins. – Princeton: Princeton University Press. – 2008. – 563 p.
36. Collins, R. Reply to Erickson and Schwalbe / R. Collins // Contemporary Sociology. – 2007. – Vol. 36. – №3. – P. 215-218.
37. Condon, W.S. An analysis of behavioral organization / W. Condon // Sign Language Studies. – 1988. – Vol. 58. – P. 55-88.

38. Condon, W.S. Method of micro-analysis of sound films of behavior / W.S. Condon // Behavior Research Methods & Instrumentation. – 1970. – Vol. 2. – №2. – P. 51-54.
39. Condon, W.S., Ogston, W.D. A segmentation of behavior / W.S. Condon, W.D. Ogston // Journal of Psychiatric Research. – 1967. – Vol. 5. – P. 221-235.
40. Condon, W.S., Sander, L.S. Neonate movement is synchronized with adult speech: interactional participation and language acquisition / W.S. Condon, L.S. Sander // Science. – 1974. – Vol. 183. – №4120. – P. 99-101.
41. Durkheim, E. Elementary forms of religious life / E. Durkheim // Translated from the French by Joseph Ward Swain. – New York: Free Press. – 1965. – 507 p.
42. Farley, S. Is gossip power? The inverse relationships between gossip, power, and likeability / S. Farley // European Journal of Social Psychology. – 2011. – №41. – P. 574–579.
43. Farley, S. Vocal and physiological changes in response to the physical attractiveness of conversational partner / S. Farley // Journal of nonverbal behavior. – 2010. – Vol. 34. – №3. – P. 155-167.
44. Farley, S., Hughes, S., LaFauette, J. People will know we are in love: evidence of differences between vocal samples directed toward lovers and friends / S. Farley, S. Hughes, J. LaFauette // Journal of nonverbal behavior. – 2013. – Vol. 37. – №3. – P. 123-138.
45. Festinger, L. A theory of social comparison processes / L. Festinger // Human relations. – 1954. – Vol. 7. – №2. – P. 117-140.
46. Foster, E. Research on gossip: taxonomy, methods, and future directions / E. Foster // Review of general psychology. – 2004. – Vol. 8. – №2. – P. 78-99.
47. Gawronski, B., Walter, E. The TAR effect: when the ones who dislike become the ones who are disliked / B. Gawronski, E. Walter // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2008. – Vol. 34. – №9. – P. 1276-1289.

48. Gluckman, M. Papers in honor of Melville J. Herskovits: gossip and scandal / M. Gluckman // *Current anthropology*. – 1963. – Vol. 4. – №3. – P. 307-316.
49. Gregory, S. Analysis of fundamental frequency reveals covariation in interview partners' speech / S. Gregory // *Journal of Nonverbal Behavior*. – 1990. – Vol.14. – №2. – P. 237-251.
50. Gregory, S., Webster, S. A nonverbal signal in voices of interview partners effectively predicts communication accommodation and social status perceptions / S. Gregory, S. Webster // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – Vol.70. – №6. – P. 1231-1240.
51. Gregory, S., Webster, S., Huang G. Voice pitch and amplitude convergence as a metric of quality in dyadic interviews / S. Gregory, S. Webster, G. Huang // *Language & Communication*. – 1993. – Vol.13. – №3. – P. 195-217.
52. Gregory, S. A quantitative analysis of temporal symmetry in microsocial relations / S. Gregory // *American Sociological Review*. – 1983. – Vol. 48. – №1. – P. 129-135.
53. Gregory, S., Hoyt, B. Conversation partner mutual adaptation as demonstrated by Fourier series analysis / S. Gregory, B. Hoyt // *Journal of psycholinguistic research*. – 1982. – Vol. 11. – №1. – P. 35-46.
54. Handbook on Restorative Justice Programmes, United Nations. New York. – 2006. – 105 p.
55. Hannerz, U. Gossip, networks and culture in a black American ghetto / U. Hannerz // *Ethnos*. – 1967. – Vol. 32. – №1-4. – P. 35-60.
56. Herrero, M. Auctions, rituals and emotions in the art market / M. Herrero // *Thesis Eleven*. – 2010. – Vol. 103. – №1. – P. 97-107.
57. Kendon, A. Movement coordination in social interaction: some examples described / A. Kendon // *Acta Psychologica*. – 1970. – Vol. 32. – №2. – P. 101-125.
58. McDowall, J. Microanalysis of filmed movement: The reliability of boundary detection by observers / J. McDowall // *Environmental Psychology and Nonverbal Behavior*. – 1978. – Vol. 3. – №2. – P. 77-88.

59. Metiu, A., Rothbard, N. Task Bubbles, Artifacts, Shared Emotion, and Mutual Focus of Attention: A Comparative Study of the Microprocesses of Group Engagement / A. Metiu, N. Rothbard // *Organization Science*. – 2013. – Vol. 24. – №2. – P. 455-475.
60. Pain, R. What is gossip about? An alternative hypothesis / R. Paine // *Man*. – 1967. – Vol. 2. – №2. – P. 278-285.
61. Paxton, A., Dale, R. Frame-differencing methods for measuring bodily synchrony in conversation / A. Paxton, R. Dale // *Behavior Research Methods*. – 2013. – Vol. 45. – №2. – P. 329-343.
62. Pelose, G. The functions of behavioral synchrony and speech rhythm in conversation / G. Pelose // *Research on Language and Social Interaction*. – 1987. – Vol. 20. – №1-4. – P. 171-220.
63. Rossner, M. Emotions and Interaction Ritual: A Micro-Analysis of Restorative Justice / M. Rossner // *British Journal of Criminology*. – 2011. – Vol. 51. – №1. – P. 95-119.
64. Rothbard, N., Steffanie, W. Waking Up on the Right or Wrong Side of the Bed: Start-of-workday Mood, Work Events, Employee Affect, and Performance / N. Rothbard, W. Steffanie // *Academy of Management Journal*. – 2011. – Vol. 54. – №5. – P. 964-975.
65. Schwalbe, M. Emile Durkheim and Erving Goffman Meet Dr. Magneto / M. Schwalbe // *Contemporary Sociology*. – 2007. – Vol. 36. – №3. – P. 211-214.
66. Suls, J. Gossip as social comparison / J. Suls // *Journal of communication*. – 2006. – Vol. 27. – №1. – P. 164-168.
67. Wohlstein, R.T., McPhail, C. Judging the Presence and Extent of Collective Behavior from Film Records / R.T. Wohlstein, C. McPhail // *Social Psychology Quarterly*. – 1979. – Vol. 42. – №1. – P. 76-81.

Приложение А. Гайд интервью

Блок I

1.1. Клики (подгруппы), их границы (осознание границ, их жесткость), состав.

Примеры вопросов: существует ли в вашей группе разделение на клики (подгруппы)? Каков состав этих клик?

1.2. Основания формирования клик, исключение из клик.

Примеры вопросов: что между вами общего? Почему ты больше не общаешься с N?

1.3. Остальные клики, их состав, отношения с ними, конфликты.

Примеры вопросов: а какие ещё подгруппы, кроме той, в которой состоишь ты, существуют в вашей группе? Как ты относишься к ним? Как они относятся к тебе? С кем у тебя конфликтные (напряженные) отношения и почему?

1.4. Аутсайдеры, нарушители норм.

Примеры вопросов: можешь назвать аутсайдеров (людей, исключенных из всех клик) в вашей группе? Почему с ними не общаются? Есть ли такие люди в вашей группе, которые постоянно нарушают групповые нормы и с которыми постоянно возникают конфликты? Как ты к ним относишься?

Блок II

2.1 Сплетни, их нормы, инклюзия и эксклюзия из «сплетничающих сообществ».

Примеры вопросов: ты обсуждаешь с кем-то своих одноклассников? Какие темы ты можешь обсуждать только с членами своей клики и никогда не станешь с членами других?

2.2. Влияние на солидарность, эмоциональное состояние до и после сплетничания, рациональные основания сплетни как практики.

Примеры вопросов: зачем ты обсуждаешь своих одноклассников с другими людьми? Это влияет на твое эмоциональное состояние? Для тебя важна поддержка, мнение других людей?

Блок III

3.1. Репутация, репутационный менеджмент, пути формирования репутаций.

Примеры вопросов: ты предпринимаешь какие-то попытки изменения отрицательных мнений о тебе? Что ты делаешь для поддержания положительного мнения о себе в группе?

3.2. Групповое давление.

Примеры вопросов: ты можешь вспомнить эпизоды группового давления на себя? Как это повлияло на твое эмоциональное состояние на тот момент? Как это повлияло на твое поведение на тот момент?

3.3. Нормативные представления.

Примеры вопросов: какими качествами должен обладать и что должен делать член твоей группы, чтобы ты относился к нему положительно?

3.4. Общие вопросы для выхода из интервью.

Примеры вопросов: есть ли у тебя проблемы в учебе? Тебе нравится учиться здесь? Что собираешься делать после обучения, планируешь ли работать по этой специальности?

Приложение Б. Таблица информантов

Респондент, №	Пол	Курс
1	ж	3
2	м	3
3	ж	3
4	ж	3
5	м	3
6	ж	3
7	ж	3
8	ж	3
9	м	1
10	ж	1
11	ж	1

Приложение В. Пример выделяемых фрагментов аудиозаписи (транскрипт)

Респондент № 4.

Сокращения: «И» – интервьюер, «Р» – респондент.

Безоценочный разговор

И: Я хочу спросить про лично твоё вот представление о том, как нужно вести себя в группе. Собственно, поскольку у тебя такие высокие оценки [имеются в виду результаты тестирования МСА], мне бы хотелось узнать, может, ты выработала какое-то представление о принципах каких-то поведения в группе, позиционирования себя на публике. Или это как-то спонтанно происходит? Я не знаю, расскажи об этом, что ты думаешь?

Р: Ну, вообще, я начну с того, что в школе я не была такая активная. Ну, то есть как бы вот у меня была там подружка, но я как-то, так скажем, терялась в этой толпе нашего класса. Ну, просто были девчонки, которые такие активные, вот, как бы друзья, всё вокруг них, а я как бы серая мышка такая была, так скажем. А вот в нашей группе я более как-то раскрепостилась и раскрылась. Ну, как бы другой коллектив, другие ребята и, не знаю, мне они нравятся. И как бы я более такая активная, так скажем, со всеми пытаюсь общаться хорошо, вот. И там (неразборчиво). Ну, как бы, не знаю... Ну, например, когда мы шутим...

И: Да?

Р: Вот, просто, ну, что бы они ни говорили, я начинаю всегда смеяться, ну, как бы, не знаю, такой я, можно сказать, позитивный человек, и они начинают смеяться от того, что я начинаю смеяться, вот (смех). Может, я этим их заряжаю, не знаю, мне так кажется (смех).

И: Так, ну вот юмор, ок. Это как-то спонтанно получается, или ты понимаешь, что вот юмор – это действительно важно для отношений?

Р: Конечно, важно.

И: Ты пытаешься, я не знаю, рассказывать какие-то истории одногруппникам?

Р: Да, конечно.

И: А...

Р: Пытаюсь их заинтересовать в чем-то.

И: В чем?

Р: Что-то такое интересное рассказать. Ну, чтобы они заинтересовались, слушали меня.

И: Ну, а чего это касается обычно? Это касается учебы или...

Р: Нет, каких-то личных таких... Какие-то истории рассказываю из жизни.

И: Угу.

Р: Какие-то истории рассказываю из жизни, вот, так скажем. В принципе, мы все пытаемся делиться какими-то историями из жизни. В общем, интересно послушать остальных.

Сплетня.

Р: Вот, а девочка, она... Я рада, что она ушла (смех).

И: Так, почему?

Р: Потому что она сразу, видно было, что... Мне кажется, вот как раз когда она была, у нас группа была не очень сплоченная. Вот она по-любому сплетничала. Потому что вот она то сначала с Настей хорошо-хорошо (неразборчиво), то со Светой, вот так вот как бы... Ну, вообще, ну, такая, не очень... И как бы, один раз, так скажем... не подставила нас, ну... У нас был зачет с Магомедом Хандулаевичем, и он вроде нам, такой: «Всех устроят четверки автоматом поставить?». Мы такие: «Да-да!». А она вышла вперед всей группы, начала: «Почему? Я вот пятерку хочу». И он такой, можно сказать, разозлился, то что я вам тут четверки раздаю, а вы ещё... Вот, и мы, конечно, на неё немножко обозлились, что вот она так себя повела. Вот был такой конфликт. И в группе, наверное, потом там обсуждали, и она сама, ну то что она какая-то... (смех). Ну, я не знаю, как сказать, ну просто там была вот такая вот, немножко... (смех).

И: Ну, какая, сформулируй, а то я так не пойму?

Р: Ну, все просто пошли против неё, отвернулись от неё.

И: Так.

Р: Отвернулись от неё, так скажем. То, что она вот так повела себя. Она могла бы помолчать. Потому что Магомед Хандулаевич сказал ей: «Ладно, приходите на зачет». И она вроде пришла, но все равно сдала на «четыре», то есть как бы она больше выпендривалась, так скажем (смех), вот.

И: Это первый был случай, когда вы поняли, что она не очень хорошая?

Р: Ну, да, подтвердилось, так скажем. Потому что когда я первый раз её увидела, ну просто вот... ну, она мне сразу как-то не понравилась, ну, она какая-то такая, слишком из себя (смех).

И: Слишком из себя?

Р: Да (смех).

И: Так и запишем.

Р: Да (смех).